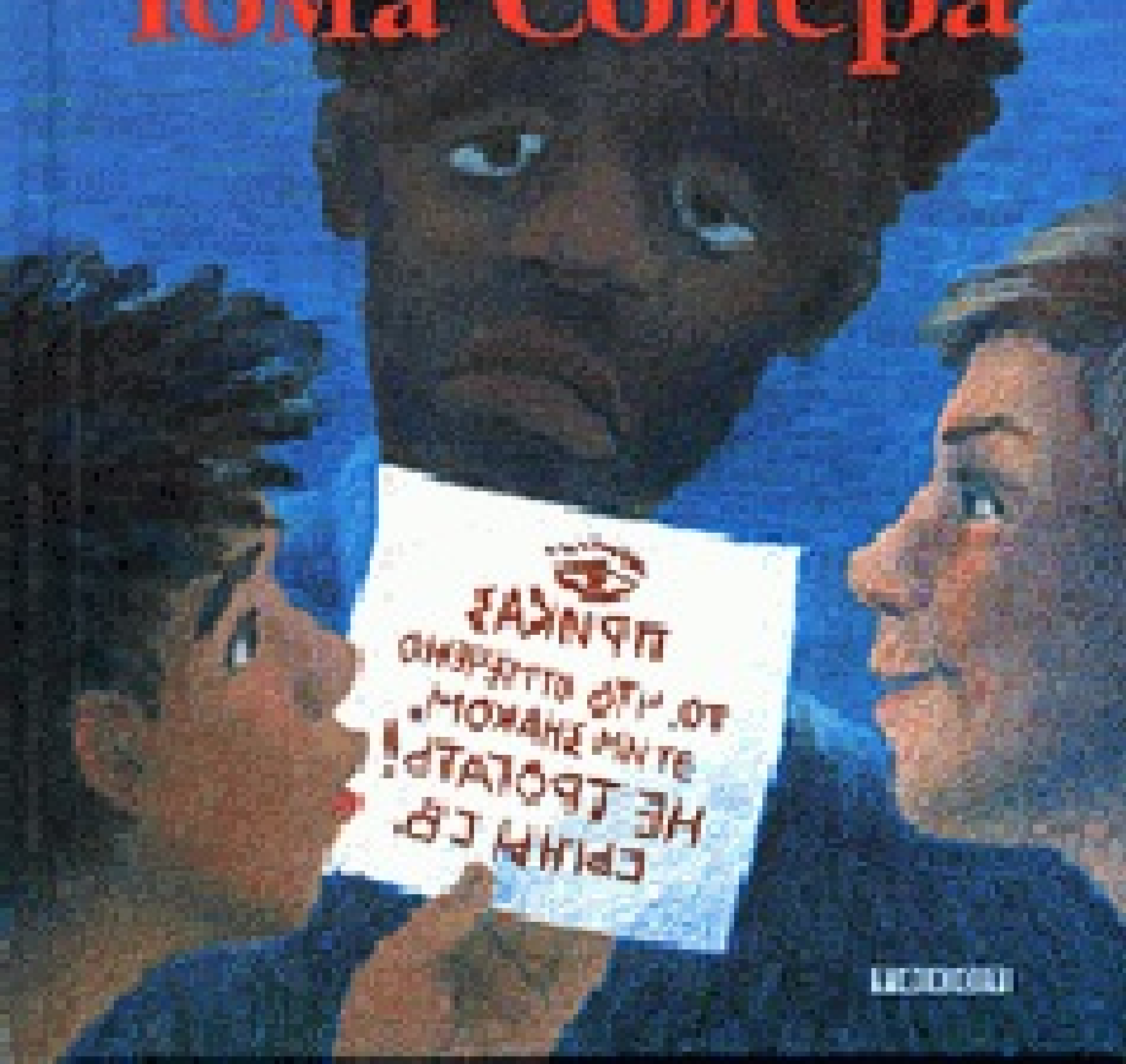

Марк Твен

ЗАГОВОР Тома Сойлера

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Annotation

Читатель встречается со старыми знакомыми - героями знаменитых произведений Марка Твена - фантазером и непоседой Томом Сойером, честным малым Геком Финном и добряком Джимом. На этот раз Том предлагает друзьям устроить самый настоящий заговор - с масками, переодеваниями, секретными сигналами и тайными собраниями. Однако события развиваются неожиданно для героев, и вместо заговора им приходится расследовать убийство...

Повесть впервые выходит на русском языке.

- [Марк Твен](#)
 - [ЭТОТ НЕУГОМОННЫЙ ТОМ СОЙЕР](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Примечания](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
-

Марк Твен

Заговор Тома Сойера

ЭТОТ НЕУГОМОННЫЙ ТОМ СОЙЕР

Вряд ли найдёшь в России человека, который ещё подростком не прочёл знаменитые романы американского писателя Марка Твена «Приключения Тома Сойера» и «Приключения Гекльберри Финна». Гораздо меньше тех, кто знает, что через десять лет после выхода «Приключений Гекльберри Финна» Марк Твен снова вспомнил о своих героях и написал небольшие повести «Том Сойер за границей» и «Том Сойер - сыщик» - эти произведения тоже были переведены на русский язык, и, если очень постараться, их можно отыскать и прочесть. А вот судьба книги, которую вы держите в руках, не совсем обычна. Писатель приступил к ней через двадцать лет после выхода самой первой истории о Томе Сойере, но так и не закончил - не дописал, может быть, несколько страниц, а то и всего несколько строчек, - теперь этого уже никто не узнает. Но не волнуйтесь - перевернув последнюю страницу, вы точно узнаете развязку этой удивительной и увлекательной повести.

Долгие годы, почти столетие, «Заговор Тома Сойера» оставался никому не известным - разве только ученым-филологам, которые изучали архивы великого писателя. На родине автора эту повесть смогли прочесть только в 1967 году, а теперь, спустя еще почти сорок лет, она выходит на русском языке.

Мы снова встречаемся с давно знакомыми героями - озорником и непоседой Томом, честным и благородным Гekom, добрым и простодушным Джимом. Том и Гек повзрослели, и забавы их тоже стали более взрослыми, не такими безобидными. На этот раз, «чтобы лето зря не пропадало», они решают устроить заговор. Настоящий заговор, с масками и переодеваниями, с листовками и тайными собраниями... Главный заводила, конечно, Том. «Если делать все правильно и с умом, то за три дня можно весь город на уши поставить», - говорит он. Так и вышло. Город в панике. Однако события развиваются совершенно неожиданно, и вместо заговора Тому и Геку приходится расследовать настоящее убийство.

Рассказ ведётся от имени Гека Финна, парня смышлёного, но не слишком-то образованного. Потому он иногда невпопад употребляет сложные для него слова и путает имена исторических героев и библейских персонажей. Зато вы узнаете обо всём, можно сказать, из первых рук...

Вперёд, ребята! Теперь вы можете прочитать всё, что Марк Твен написал о Томе Сойере и Гекльберри Финне.

Издательство «Текст»

Глава 1

Ну так вот, мы вернулись домой, и я жил у вдовы Дуглас на Кардиффской горе всю зиму и весну и снова набирался у неё и у старой мисс Уотсон хороших манер, а Джим работал у вдовы, чтобы на вырученные деньги когда-нибудь освободить жену и детей. Лето было уже на носу - вылезли первые листочки, и ветреница расцвела. Скоро придет пора играть в шарики, гонять обруч и запускать воздушных змеев; можно уже ходить босиком, а воздух такой мягкий и пахучий, и пар подымается от земли, и птицы в лесу поют. Из комнат выносят печурки и убирают на чердак, а на рынке уже продают пестрые соломенные шляпы и рыболовные крючки, и девчонки гуляют в белых платьях и голубых лентах, а мальчишкам не сидится на месте, и всем ясно, что проклятой зиме конец. Зима - хорошая штука, когда это настоящая зима - со льдом на реках, градом, мокрым снегом, трескучими морозами, вьюгами и всем прочим, а вот весна никуда не годится - сплошные дожди, грязь, слякоть, одно слово - тоска, и уж скорей бы она кончилась. Вот и Том Сойер то же говорит.

Мы с Джимом и Томом радовались теплу и солнышку и в субботу с утра пораньше взяли челнок и поплыли к мысу на острове Джексона, где можно спрятаться от всех и построить планы на будущее. То есть насчёт планов - это была затея Тома. Мы с Джимом никогда планов не строим - незачем голову ломать и время впустую тратить, лучше просто сидеть и ждать, что дальше будет. Но Том говорит, что сидят и ждут одни лентяи, а на Провидение тем более нельзя надеяться - от него уж точно никакой пользы. Джим отвечает, что грех так думать, да и говорит:

- Нельзя так, масса Том. Вы Провидению не поможете, да и не нужно ему помогать. И ещё, масса Том, если вы что-то задумали, а Провидению это не нравится, то старик Джим вам тоже не помощник.

Том понял, что ошибся, - если так и дальше пойдёт, Джим ни о каких планах и слышать не захочет. Решил он попробовать по-другому, да и спрашивает:

- Джим, а Провидение заранее знает всё, что должно произойти, так?
- А то как же! С самого сотворения мира!
- Понятно. А если я строю план (то есть мне кажется, что это я строю план, а Провидение тут вроде ни при чём) и ничего из него не выходит? Значит, Провидение не захотело?
- Да, нельзя на него полагаться - вот что это значит.

- А если план удастся, значит, так хотело Провидение, а я просто попал в точку?

- Так оно и есть, помереть мне на этом месте!

- Значит, я должен и дальше придумывать, пока не угадаю, чего хочет Провидение?

- Разумеется, масса Том, так и надо, греха в этом нет.

- Выходит, можно предлагать планы?

- Да, конечно, прилагайте сколько душе угодно. Провидение возражать не станет, если сможет спервоначала на них посмотреть. Но не вздумайте жить по ним, по планам этим, масса Том, - кроме как по одному, правильному, потому что грех совать нос куда не след и жить по плану, который не по вкусу Провидению.

И снова всё шло как надо. Сами видите, он просто обвёл Джима вокруг пальца - опять мы начинали спор сначала, а Джим об этом и не подозревал. Том и говорит:

- Значит, всё в порядке, и мы сейчас сядем вот тут на песок и что-нибудь придумаем - просто чтобы с тоски не помереть и чтоб лето зря не пропадало. Я читал книжки знающих людей, покумекал, и у меня есть в запасе пара-тройка отличных идей - выбирай любую.

- Ну, - говорю, - выкладывай первую!

- Первая, и самая замечательная, - это гражданская война, - если получится ее устроить.

- Ерунда, - говорю. - К черту гражданскую войну. Так я и знал, Том Соьер, что ты выберешь одни сплошные опасности, хлопоты и расходы - без них ты не можешь.

- И славу! - отвечает он с жаром. - Ты забыл самое главное - славу!

- Ну да, - говорю. - Это уж само собой. Чтобы Том Соьер приволок план, в котором ни на грош славы, - да это всё равно как старый Джимми Граймс явится с кувшином без единой капли виски.

Я нарочно съехидничал, чтобы его смутить, и своего добился: он притих, сделался неразговорчивым, а меня обозвал ослom.

А Джим всё думал, думал, да и спрашивает:

- Масса Том, а что значит «гражданская»?

- Ну... как бы тебе объяснить... в общем, хорошая, добрая, правильная и всё такое прочее. Можно сказать, христианская.

- Масса Том, но ведь на войне дерутся и убивают друг друга?

- Разумеется.

- И это, по-вашему, хорошо, правильно и по-христиански?

- Ну... понимаешь... она просто так называется, только и всего.

- Вот вы и попались, масса Том! Просто так называется! Только и всего! Гражданская война! Да не бывает такой войны. Подумать только: хорошие люди - добрые, справедливые, в церковь ходят - идут друг друга резать, рубить, крошить и убивать. Да быть такого не может! Это вы все напридумывали сами, масса Том. Да ещё говорите, это хороший план. Не затевайте вы гражданской войны, масса Том, - Провидение этого не позволит.

- А ты откуда знаешь, пока мы не попробовали?

- Откуда знаю? Да не позволит Провидение хорошим людям воевать - оно о такой войне и не слыхивало.

- Ещё как слыхивало! Гражданские войны - дело старинное. Их столько было, что и не сосчитать.

Джим даже ответить не мог, до того удивился. И обиделся, - мол, грех Тому так говорить. А Том и отвечает, что это правда, - это каждый знает, кто историю учил. Ну и Джиму ничего не оставалось, как поверить, но он не хотел и сказал, что Провидение больше такого не допустит; а потом засомневался, разволновался и попросил Тома больше гражданскую войну не предлагать. И не успокоился, пока Том не пообещал.

Том уступил, но очень неохотно. Потом он только и делал, что говорил о своём плане и жалел о нем. Видите, какое у него доброе сердце: сначала он твёрдо решил устроить гражданскую войну, да ещё и думал подготовиться к ней с большим размахом, а потом все планы отбросил в сторону, чтобы угодить какому-то негру. Мало кто из ребят на такое бы решился. Но Том он такой: уж если ему кто понравится, он для этого человека на всё готов. Да, Том Сойер на моей памяти совершил немало благородных поступков, но, пожалуй, самый благородный - когда он отменил гражданскую войну, то есть отдал контрприказ. Да, так он и сказал! Ну и слово! Ему-то выговорить - пара пустяков, а у меня от таких слов язык отваливается. Он уже всё приготовил и собирался выставить целый миллиард солдат, ни больше ни меньше, а еще военное снаряжение - не знаю, что это за штука, наверное, духовые оркестры. Я-то знаю Тома Сойера: уж если он станет готовиться к войне и в спешке что-нибудь позабудет, то уж точно не духовые оркестры. Но он отказался от гражданской войны, и это один из лучших его поступков. А ведь мог бы запросто её устроить - стоило ему только захотеть. И где тут справедливость, что вся слава досталась Гарриет Бичер-Стоу и прочим подражателям, как будто они начали войну, а о Томе Сойере - ни словца, сколько ни ройся в книжках по истории, но ведь он-то был первый, кто дотумкал её устроить - за много-много лет до всех остальных. И всё-то он

придумал сам, и уж куда лучше, чем они, и стоило бы это в сорок раз дороже, и, если бы не Джим, он бы всех опередил и вся слава была бы его. Я это точно знаю, потому что был там и хоть сейчас покажу то самое местечко на острове Джексона - на песчаной косе у мелководья. И где же памятник Тому Сойеру, хотел бы я знать? Нет его, да и навряд когда будет. Вот так всегда: один что-то делает, а другому за это памятник ставят.

Ну ладно, я его спрашиваю:

- И какой твой следующий план, Том?

А он отвечает, что хорошо бы устроить революцию. Джим облизнулся и говорит:

- Слово-то какое длинное, масса Том, и красивое! Что такое революция?

- Ну, это когда из всех людей только девять десятых одобряют правительство, а остальным оно не нравится, и они в порыве патриотизма поднимают восстание и свержают его, а на его место ставят новое. Славы в революции - почти как в гражданской войне, а хлопот с ней меньше, если ты на правильной стороне, потому что не нужно столько людей. Вот почему революцию устраивать выгодно. Это каждый может.

- Слушай, Том, - говорю, - как может одна десятая людей свалить правительство, если все остальные против? Чушь какая-то. Не может такого быть.

- Ещё как может! Много ты смыслишь в истории, Гек Финн! Да ты посмотри на французскую революцию и на нашу. Тут всё понятно. И ту и другую начинала кучка людей. Ведь когда они начинают, то не думают: «А давайте-ка устроим революцию!» И только когда всё закончится, понимают, что это, оказывается, была революция. Наши ребята сначала хотели справедливых налогов, только и всего. А когда закончили, огляделись - оказалось, что свергли короля. И ещё получили столько налогов, свободы - хоть отбавляй, даже не знали, что с этим делать. Вашингтон только в конце догадался, что это была революция, да и то не уразумел, когда именно она произошла, - а ведь был там с самого начала. То же и с Кромвелем, и с французами. С революцией всегда так: когда она начинается, ни у кого и в мыслях нет её устраивать. А ещё одна штука - что король всегда остаётся.

- Каждый раз?

- Конечно. Это и есть революция - свергаешь старого короля, а на его место ставишь нового.

- Том Сойер, - спрашиваю, - где же мы найдём короля, чтобы его свергать? У нас ведь нет короля.

- А нам никого и не надо свергать, Гек Финн. Наоборот, надо его

посадить на трон.

Он сказал, что на революцию уйдут все летние каникулы, и я был согласен. Но тут Джим говорит:

- Масса Том, мне это не по душе. Я ничего не имел против королей, пока не провозился с тем королём всё прошлое лето. С меня довольно. Вот ведь был паршивец, правда, Гек? Хуже не бывает - не просыхал, да еще на пару с герцогом чуть не ограбил мисс Мэри и Заячью Губу. Нет уж, с меня хватит. Не хочу больше связываться с королями.

Том сказал, что это был ненастоящий король и по нему нельзя судить обо всех остальных. Но как он ни пытался убедить Джима - всё без толку. Джим, он такой - уж если что-то решил, значит, раз и навсегда. Он сказал, что с революцией забот и хлопот не оберёшься, а когда закончим, обязательно появится наш старый король и всё испортит. Это уже было похоже на правду, и мне сделалось не по себе. Я подумал: а не слишком ли мы рискуем? - и перешел на сторону Джима. Жалко было снова огорчать Тома - ведь он так надеялся и радовался; но сейчас, когда вспоминаю, каждый раз думаю, что всё к лучшему. Короли не по нашей части. Мы к ним не привыкли и не знаем, как сделать, чтобы король сидел тихо и был доволен. Да и жалованье они вроде бы никому не увеличивают, и за жизнь во дворце не платят. Сердце-то у них доброе, и бедных они жалеют, и благотворительными делами занимаются, и даже подавание собирают - уж это я точно знаю; но им самим это ничего не стоит. Они просто делают вид, что экономят, только и всего. Если королю приспичит переправиться через реку, он возьмёт десяток кораблей, не меньше, и не важно, что паром рядом. Но самая большая беда - их ни за что не утихомиришь. Вечно они беспокоятся, кому передать корону, а стоит это уладить - им ещё что-нибудь подавай. И всегда норовят оттяпать чью-нибудь землю. Конгресс - одно сплошное наказание, да и то с ним лучше. По крайней мере, всегда знаешь, чего от него ожидать. И можно его поменять, когда захочешь. Новый наверняка будет хуже прежнего, зато хоть какая-то перемена, а с королём такое не пройдет.

Пришлось Тому отказаться от революции. Он и говорит: раз так, давайте поднимем восстание. Ну, мы с Джимом согласились, да сколько ни думали, не смогли придумать, из-за чего восставать. Том стал было нам объяснять, но без толку. Пришлось ему согласиться, что восстание - это ни то ни сё, как головастик без хвоста. Обычный головастик - это просто бунт, когда хвост отвалится - это восстание, а когда и лапки отросли, и хвост отвалился - это уже революция. Погоревали немножко, но ничего не поделаешь, пришлось и эту затею оставить.

- Ну, - спрашиваю, - а дальше что?

Том и говорит, что у него в запасе остался ещё один план, в чём-то даже самый лучший, потому что главное в нём - тайна. Во всех предыдущих главное - слава. Слава, конечно, штука важная и ценная, но для настоящего удовольствия тайна всё-таки лучше. Не было нужды нам рассказывать, что Том Соьер любит тайны, - это мы и так знаем. Чего он только не сделает ради тайны! Такой уж уродился. Я и спрашиваю:

- Что же это за план?

- Просто отличный, Гек! Давайте устроим заговор.

- А это трудно, масса Том? А у нас получится?

- Ещё бы, это всякий сможет.

- А как его делают, масса Том? Что значит заговор?

- Это когда замышляют что-то против кого-то, тайно. Собираются ночью в укромном месте и замышляют. И уж конечно, в масках, с паролями и всё такое прочее. Жорж Кадудаль [\[1\]](#) устраивал заговор. Не помню, в чём там было дело, но у него получилось. И у нас тоже получится.

- А много для этого нужно денег, масса Том?

- Денег? Да ни единого цента, если только не возьмёшься за дело с размахом, как в Варфоломеевскую ночь.

- А что за ночь такая, масса Том? Что тогда случилось?

- Точно не знаю, но они взялись за дело с размахом. Это было во Франции. Кажется, пресвитериане вырезали миссионеров.

Джим огорчился и говорит с досадой:

- Значит, не выйдет у нас никакого заговора. Пресвитерианцев у нас полно, а миссионеров нет.

- К чёртовой бабушке миссионеров, зачем они нам?

- Как зачем? Как же вы собрались устраивать заговор, масса Том, если у нас только половина того, что нужно?

- Да неужто мы не найдём кого-нибудь вместо миссионеров?

- А это будет правильно, масса Том?

- Правильно? Не важно, правильно или нет. Чем больше в заговоре неправильного, тем лучше. Нам осталось только найти кого-нибудь вместо миссионеров, а потом...

- Но, масса Том, разве они согласятся, пока мы им не объясним, что по-другому нельзя, что мы не нашли ми...

- Замолчи, слушать надоело! Никогда ещё не встречал такого негра - только и знает, что спорить, а сам не понимает, о чём ему толкуют. Если помолчишь минутку, я устрою такой заговор, которому Варфоломеевская ночь в подмётки не годится, и притом без единого миссионера.

Джим понял, что ему лучше не вмешиваться, но продолжал ворчать себе под нос, как у негров водится, что ничегошеньки не стоит заговор, если его устраивают не по правилам, а собирают из чего под руку попадет. Том его не слушал, и правильно делал: с негром надо как с ребёнком, пускай себе бормочет, пока самому не надоест.

Том устался в землю, подпер рукой подбородок и как будто позабыл о нас и обо всём вокруг. А когда поднялся и стал ходить взад-вперёд по песку, качая головой, я сообразил, что заговор уже зреет. Растянулся на солнышке и уснул - ведь я пока здесь не нужен и могу отдохнуть. Вздремнул часок, а когда проснулся, Том уже был готов и всё продумал.

Глава 2

Идея у него была отличная - я это сразу понял. Вот что он придумал: надо всех до смерти перепугать этими аболиционистами, которые все хотят негров освободить. Время было самое подходящее: уже больше двух недель ходили слухи о чужаках, которых видели в лесу на иллинойсской стороне, - они то появлялись, то исчезали, то снова появлялись. Думали, что они только и ждут случая, чтобы устроить побег какому-нибудь негру! Пока ещё никто не сбежал, да и вряд ли сбежит, и никакие это, видно, не аболиционисты. Но на чужака в те дни в наших краях смотрели косо, если он не говорил начистоту, кто он и откуда. В общем, в городе было беспокойно. Стоило к человеку подскочить сзади и крикнуть «Аболиционист!», чтобы он от ужаса подпрыгнул и холодным потом покрылся.

И порядки ввели строгие: неграм запретили выходить на улицу после захода солнца. А всех молодых парней забрали в патрульные - охранять по ночам улицы и задерживать чужаков.

Том сказал, что для заговора сейчас самое время - как по заказу! Стоит нам только начать, а дальше оно само пойдёт. Говорил, если делать всё правильно и с умом, то за три дня можно весь город на уши поставить. И я ему поверил - уж Том-то знал толк в заговорах и всём таком прочем, а в тайнах разбирался лучше некуда.

Для начала, сказал он, у нас должно быть много «ран-де-ву» - укромных мест, где мы будем встречаться и строить планы. Лучше, если они будут в разных концах города: во-первых, так интересней, а во-вторых, где бы мы ни оказались, всегда какое-нибудь из них будет под рукой. Одно - в старом доме с привидениями, что стоял на отшибе в трёх милях к северу от города, где Рачий ручей вытекает из Сомовьей лощины. Другое - наша с Джимом пещерка на горе, в глухом лесу на острове Джексона. Ещё одно - большая пещера в трех милях к югу от города, та самая пещера Индейца Джо, где мы нашли деньги, которые спрятали грабители. И ещё - старая заброшенная бойня на южной окраине города, возле устья ручья. Вонь там стоит такая, что даже хорьки разбегаются. Мы с Джимом просили Тома придумать какое-нибудь другое место, а он ни в какую: во-первых, говорит, это отличная «стратегичная точка» (да, так он и сказал!), а во-вторых, туда хорошо прятаться в случае отступления - тамошняя вонь забьёт наш запах, так что никакие собаки не найдут! А если даже и найдут, то наши враги за

ними не последуют, потому что задохнутся. Мысль была хорошая, и мы согласились.

Мы с Джимом подумали: раз у нас так много работы, значит, и заговорщиков должно быть больше. Но Том только усмехнулся и говорит:

- Вспомните, что погубило Гая Фокса? А Титуса Оутса?[\[2\]](#)

И посмотрел на меня строго-строго. Но я и виду не подал, что не знаю, кто эти ребята. Том посмотрел так же на Джима, но тот и ухом не повёл, так что больше и говорить было не о чем.

Том назначил нашу пещеру на острове Джексона главным штабом и сказал, что это место священное: обычными делами можно заниматься и в других наших укрытиях, но Государственный Совет будет собираться только здесь. И еще для такого важного заговора, как наш, нужно два Государственных Совета: Совет Десяти и Совет Трёх. У Совета Десяти будут чёрные мантии, а у Совета Трёх - красные. И ещё у всех будут маски. Совет Десяти - это мы все вместе, а Совет Трёх - это сам Том. Потому что Совет Трёх - самый главный и может аннулировать (любимое слово Тома!) всё, что сделает другой Совет. Я и спрашиваю: может, тогда обойдёмся без Совета Десяти - сэкономим на жалованье? А Том отвечает:

- Если бы я смыслил в заговорах столько же, сколько и ты, Гек Финн, я бы виду не показывал.

А сейчас, сказал он, мы пойдём в Палату Совета и проведём первое заседание. Ничего страшного, что пока без мантий и масок - на следующем заседании объявим амнистию и сами себя оправдаем, и никто не будет объявлен вне закона. А дальше всегда будем заседать как положено. Такой уж он уродился, Том, - любил всё делать по правилам. Пока он рассуждал да порядок наводил, я бы успел стащить десяток арбузов!

В нашей старой пещере всё осталось по-прежнему с тех пор, как мы с Джимом оттуда сбежали и отправились на плоту вниз по реке. Том созвал Совет Десяти и произнёс речь о том, какое важное дело нам предстоит и что каждый из нас должен это понять и выполнять свой долг без страха и упрёка. А потом взял с нас клятву устроить заговор во благо просвещенного христианского мира и навести ужас на весь город, и да поможет нам Господь в правом деле, аминь!

Том избрал себя Председателем Совета и Секретарем и открыл заседание:

- Мы должны обсудить множество вопросов - им нет числа. О них я расскажу по порядку, всему своё время. Но есть один самый важный вопрос - с него-то мы и начнём. Как думает Совет, с чего?

Я честно сказал, что не знаю. Джим тоже.

- Ну, тогда я скажу. Чем сейчас так напуганы люди? Чего они боятся? Думаю, вы знаете.

- Наверное, что негры могут сбежать.

- Правильно. Значит, в чём наш долг как заговорщиков?

Джим не знал, я тоже.

- Если бы ты хоть чуточку подумал, Гек Финн, ты бы сказал. Если люди чего-то ждут, мы должны им это дать. Неужели непонятно? Нужно устроить побег негра!

- Да Господь с вами, масса Том! Ведь нас повесят!

- Ну а чего же ты хотел? Для чего, по-твоему, заговоры? Чтобы всех на свете сделать бессмертными? Без риска это вообще никакой не заговор, и честности в нём ни на грош. А что значит честный заговор? Это если мы добьёмся, чего хотим, и всё сделаем правильно и с умом, и чтобы нас при этом не повесили. Так у нас и получится. А теперь - к делу. Для начала нужно найти подходящего негра, а потом устроить ему побег.

- Ничего у нас не выйдет, Том. Здесь, в городе, ни один негр нас и слушать не станет - перепугается до смерти, побежит к хозяину и донесёт на нас.

Том в ответ так посмотрел, будто ему за меня стыдно стало.

- Что, по-твоему, я этого сам не знаю?

Я не понимал, к чему он клонит.

- Выходит, Том Сойер, нам не найти ни одного негра, который согласится сбежать. И что же нам тогда делать?

- Пустяки. Мы приведём своего.

- Ну да, привести - это проще простого. Только где мы его найдём?

- Он уже здесь. Негром буду я.

Мы с Джимом рассмеялись. А Том и отвечает, что уже всё продумал и у нас обязательно получится. И рассказал нам свой план - отличный, первый сорт. Он перекрасится в чёрный цвет под беглого негра и спрячется в доме с привидениями, а я должен выдать его старому Брэдишу из Сомовьей лощины - торговцу неграми и первому негодяю в городе. А потом мы устроим ему побег - вот тут-то и начнётся самое интересное. А если Том сказал - значит, непременно начнётся!

Но стоило нам только обо всём договориться, Джима, как всегда, начала мучить совесть. Джим стал говорить, что он - человек верующий и не может делать то, чего религия не одобряет. Мол, сам по себе заговор - это ничего страшного, да только вот не взять ли нам лицензию?

Само собой понятно, как ему это в голову пришло. Ведь если надумаешь чем-то заняться - трактир открыть, или торговать вразнос, или

негров продавать, или грузы на телеге перевозить, или представления давать, или собаку держать, - на всё нужна лицензия. Значит, и с заговором так же, а без лицензии заговор устраивать - грех, потому что мы обманываем правительство. Джим очень тревожился и сказал, что молился, чтобы Бог вразумил его. А потом и говорит так жалобно - знаете, как негры, когда ничего не понимают и всего боятся:

- Господь не ответил на мою молитву прямо, но по всему видно, он против заговора, если у нас нет лицензии.

Я, разумеется, понял - нечего обижаться на бедного негра, он ведь хотел как лучше. Но всё равно досадно было: думал, вот-вот сорвётся наш план, совсем как революция и гражданская война, и ничего тут не поделаешь - ведь если Джим что-то вбил себе в голову, он никого и слушать не станет. Его уговаривать - только силы зря тратить. Может быть, Том попробует: раз у нас теперь в запасе один только заговор - значит, надо его спасать. Думал, он разозлится, вспылит - ведь ему и так порядком досталось, - и пропал тогда наш заговор!

Но Том и не думал злиться. Наоборот, держался молодцом. Пожалуй, никогда он не поступал так мудро, как в тот раз. Мне его доводилось видеть во всяких переделках - кажется, и времени нет раздумывать, и не выйти ему сухим из воды - а он всякий раз выпутывался. Вот и сейчас не растерялся. Думаю, скажет слово - и всё пропало! Ничего подобного, он отвечает спокойно, как ни в чём не бывало:

- Спасибо, Джим, молодец, что напомнил. Я про лицензию начисто забыл. Если бы не ты, мы бы поздно спохватились и ввязались в заговор, не освящённый законом. - И говорит своим серьёзным голосом, очень солидно: «Созвать Совет Трёх!» Взобрался на трон, то есть на ящик из-под гвоздей, и приказал дать нам лицензию на целый год, чтобы устраивать какие угодно заговоры в штате Миссури и близлежащих государствах, и велел Генеральному Секретарю записать это в протокол и поставить большую печать.

Джим так обрадовался, что просто не знал, как благодарить Тома. Лицензия, по-моему, гроша ломаного не стоила, но я тогда ничего не сказал.

Только одно теперь Джима тревожило, но мы сразу придумали, как ему помочь. Он опасался, что нехорошо продавать Тома, - ведь Том мне не принадлежит, а значит, это мошенничество. Том и не думал спорить, сказал, что, если хоть какая-нибудь мелочь в плане кажется нечестной, надо её из плана исключить - зачем ввязываться в заговор, если он нечестный? Ну, думаю, это уже не заговор, а воскресная школа какая-то получается! Но

вслух я ничего не сказал.

И вот решил Том сделать по-другому: написать листовки, где за него будет обещана награда. А я его найду, но продавать не стану, а выдам Кроту Брэдишу за часть награды. Крот - ненастоящее имя. Он совсем плохо видит, вот его и прозвали Кротом.

Джим согласился, хотя, по-моему, какая разница: продавать мальчика, который тебе не принадлежит, или долю награды, если она ненастоящая и никто её не собирается платить. Я так и сказал Тому с глазу на глаз, а он и отвечает, что я смыслю в этом не больше курицы. С чего это я взял, что мы не заплатим Брэдишу? Конечно, заплатим!

Я ничего не ответил. Но про себя подумал: если бы у меня были деньги, а Том позабыл бы про это и не вмешивался, мы бы и вдвоём с Кротом Брэдишем как-нибудь это дело уладили.

Глава 3

Мы поплыли назад в город, и Джим пошел домой, а мы с Томом - в плотничью мастерскую и купили много гладких сосновых брусков, как Том хотел. А потом зашли в лавку, купили шило, долото и маленький резец и спрятали их у тёти Полли на чердаке. Я остался у Тома ужинать и ночевать, а ночью мы удрали из дома и отправились бродить по городу - хотели поглядеть на патрульных. Было темно и тихо, на улицах - ни души, разве что собаки да кошки, которым не спалось. Все огни были потушены - только в домах, где лежали больные, светились за шторами слабые огоньки. И на всех углах стояли патрульные и говорили: «Стой, кто идет!» - а мы в ответ: «Свои». А они спрашивают: «Пароль?» Мы и говорим, что никакого пароля у нас нет, а они смотрят и отвечают: «Ах, это вы! Отправляйтесь-ка лучше домой - мелюзге вроде вас давно пора спать».

А мы улучили минуту и прокрались вверх по лестнице в типографию, задернули шторы и зажгли свечу. Старый седой мистер Дэй, подёнщик, спал на полу под печатным станком, подложив под голову саквояж. Он даже не шелохнулся, и мы заслонили свечу и принялись ходить на цыпочках по комнате. Мы взяли себе типографской бумаги - голубой, зелёной, красной и белой, - немного чернил, красных и чёрных, и отрезали маленький кусочек от нового валька, чтобы наносить краску, а на стол положили монету в двадцать пять центов в уплату. Потом нам захотелось пить. Мы нашли какую-то бутылку, подумали, что это лимонад, и выпили до доньшка, а это оказалось лекарство от чахотки - на нём была этикетка, но оно было очень хорошее и помогло. Это было лекарство мистера Дэя, и мы положили на стол ещё двадцать пять центов; потом задули свечу, отнесли нашу добычу домой и были очень довольны. А ещё стащили у тёти Полли щётку для волос - пригодится, чтобы печатать, - и легли спать.

Том не захотел браться за дело в воскресенье, а в понедельник утром мы достали с чердака наши лохмотья, в которые переодевались, когда играли в негров, и Том примерил свой парик, холщовую рубаху, драные штаны с одной подтяжкой и соломенную шляпу с провалившимся верхом и обгрызенными полями - вид у него был хоть куда, потому что рубашку сто лет не стирали, а остальное тряпье пробовали на зуб крысы.

А после Том написал листовку: «Сбежал превосходный глухонемой негритянский мальчик! За поимку награда 100 долларов», - и так далее и тому подобное. И описал подробно, как он будет выглядеть, когда

переоденется и выкрасится в чёрный цвет. И добавил, что негра нужно вернуть «Саймону Харкнесу, поместье «Одинокая Сосна», Арканзас» - Том знал отлично, что такого места на белом свете нет.

Потом мы отыскивали нашу старую цепь с висячим замком и двумя ключами - мы с ней играли в «Узника Бастилии», - да ещё немного сажи и топленого сала, и положили вместе с остальными нашими пожитками (Том называл всё это «реквизит» - умное слово для барахла, за которое и сорока центов не дашь).

Теперь нам нужна была корзина, но мы никак не могли найти подходящую - все были малы. Только одна была в самый раз - ивовая корзина тёти Полли. Тётя Полли очень ею гордилась и берегла пуще глаза: сколько ни проси у нее, всё равно не даст. Ну, мы спустились и стащили её, пока тётя Полли торговалась за сома с каким-то негром. Принесли корзину к себе на чердак и сложили в неё всё наше барахло. А потом целый час не могли никуда уйти - ни Сида, ни Мэри не было дома, и, кроме нас, некому было помочь тёте Полли искать корзину. В конце концов, она решила, что корзину спёр негр, который продал ей сома, и кинулась его искать - тут мы и улили. Том сказал, что нам помогает само Провидение, а я подумал - нам-то и впрямь помогает, но как же негр? А Том и говорит: подожди, оно и о негре позаботится каким-нибудь таинственным, непостижимым образом. Так оно и вышло. Когда тётя Полли отругала негра на чём свет стоит, а он доказал, что корзину не брал, она очень расстроилась, попросила прощения и купила у негра ещё одного сома. Мы его нашли вечером в буфете и променяли на коробку сардин, чтобы взять их на остров, а тётя Полли подумала, что сома съела кошка. Я и говорю: «Ну вот, Провидение помогло негру, а от кошки отвернулось». А Том в ответ: подожди, о кошке оно тоже позаботится таинственным, непостижимым образом. Так и получилось: пока тётя Полли ходила за хворостинкой, чтобы отхлестать её, кошка съела и второго сома. Выходит, прав был Том: каждого из нас Провидение хранит, надо только доверять ему - и всё будет хорошо, и никто без помощи не останется.

Наутро мы спрятали наши пожитки наверху в доме с привидениями и вернулись с корзиной в город. Корзина нам очень пригодилась, чтобы перетаскивать еду и кухонную утварь в большую лодку Джима. Я остался в лодке сторожить припасы, а Том пошёл за покупками, и при этом ни в одну лавку не заходил дважды, чтобы не приставали с расспросами. И наконец Том притащил с чердака сосновые бруски, типографскую краску и все наши печатные принадлежности. Мы переправились на остров, а там отнесли наше добро в пещеру - теперь для заговора всё было готово.

Домой вернулись засветло, корзину спрятали в дровяном сарае, а ночью встали и повесили ее на ручку входной двери. Утром тётя Полли нашла корзину и спрашивает Тома, как она там очутилась. Том и отвечает: не иначе как ангелы принесли. А тётя Полли говорит: да, наверное, так оно и есть, и она знает парочку таких ангелов и после завтрака с ними разберётся. Честное слово, так бы она и сделала, задержись мы хоть на минуту.

Но Том очень торопился с листовками, так что мы удрали при первой возможности, взяли челнок и поплыли вниз по реке в Гукервилль, что за семь миль отсюда, - там есть маленькая типография, у которой заказы бывают от силы раз в пять лет. Там для нас отпечатали сто пятьдесят листовок про беглого негра. Назад мы поплыли по тихой воде вдоль самого берега, домой вернулись засветло, листовки спрятали на чердаке, потом нам задали взбучку (правда, совсем небольшую), а после был ужин и семейное богослужение. Спать легли усталые как собаки, зато довольные - ведь мы сделали всё, что нужно.

Заснули мы тотчас же - всегда быстро засыпаешь, если ты устал, и сделал всё, что мог, и старался изо всех сил, и на душе спокойно, и нет никаких забот. А о том, как нам проснуться, мы ни капли не тревожились: погода была хорошая, и, пока она не переменится, нам всё равно больше делать нечего, а уж если переменится - мы сразу почуем и проснемся. Так оно и вышло.

Около часа ночи началась гроза, и нас разбудили гром и молния. Лило как из ведра, дождь барабанил по крыше так, что можно было оглохнуть, и хлестал по стёклам - в такую погоду хорошо лежать, уютно устроившись под одеялом. Ветер хрипло завывал в трубах: то стихнет, то снова налетит, да как начнет гудеть, свистеть, реветь, дом ходит ходуном, ставни по всей улице хлопают - и вдруг как сверкнет молния, будто всё вокруг огнём пылает, и гром как грянет - вот-вот, кажется, весь мир на кусочки разлетится. В такую грозу радуешься, что ты жив-здоров и лежишь в тёплой уютной постели. А Том как возьмёт да и закричит: «Гек, вставай - сейчас как раз самое время!» - со всей мочи, да только я его еле слышал через весь этот рев и грохот.

Мне хотелось полежать еще хоть капельку, да нельзя было - Том бы не разрешил. Встали мы, оделись при свете молний, взяли одну листовку и кнопки, вылезли через заднее окно на крышу пристройки, проползли вдоль края крыши, спрыгнули на сарай, оттуда - на высокий дощатый забор, с забора - в сад, как обычно, а из сада по тропинке выбежали на улицу.

Дождь лил не переставая, и гром гремел, и ураган так и не стих. Лихая

ночка, сказал Том, как раз для тёмного дела вроде нашего! Я согласился и говорю: зря мы не взяли все листовки - другой такой ночи ещё не скоро дождёшься. А Том отвечает:

- А зачем нам столько сразу? Скажи-ка, Гек, где у нас вешают листовки?

- На доске у дверей почты - там же, где объявления о пропавших людях, об украденных вещах, о собраниях общества трезвости, о налогах, о том, что негр продается или магазин сдаётся в аренду, в общем, обо всем - место хорошее, и платить ничего не надо, а реклама денег стоит, вдобавок её никто и читать не будет.

- Правильно. И разве там вешают сразу по два объявления?

- Нет, только одно. Два сразу читать нельзя - разве только косоглазые могут, а косоглазых у нас мало, чего для них стараться?

- Вот я и взял всего одну листовку.

- Зачем тогда было делать сто пятьдесят? Чтобы каждую ночь вешать новую, и так целых полгода?

- Нет, мы повесим всего одну - этого предостаточно.

- Ну и зачем надо было тратить такую уйму денег, Том? Что, нельзя было напечатать одну?

- А затем, что напечатать сто пятьдесят - это дело обычное. А закажи я одну - печатник принялся бы про себя рассуждать: «Вот странно! За те же деньги можно было заказать полторы сотни, а он просит всего одну. Что-то здесь нечисто, возьму-ка да сообщу кому следует!»

Такой уж он, Том Сойер - любит всё продумать заранее. Больше я таких рассудительных ребят не встречал!

И тут сверкнула молния, да так, что везде - от неба до земли - сделалось совсем светло, и всё стало видно, как днём, аж до самой реки. И - вот так чудо! - все улицы пустые, кругом ни одного патрульного. А все канавы превратились в ручьи, да такие глубокие и быстрые, что нас едва с ног не сбивало течением. Мы повесили листовку и остались под навесом - слушали грозу да смотрели при свете молний, как вниз по канаве плывут пучки соломы, коробки из-под апельсинов и прочий мусор, и хотели досмотреть до самого конца, но так и не стали - из-за Сида. Если гром его разбудит, он испугается и побежит в нашу комнату, чтобы его утешили, - а нас там нет. Там он дождётся, пока мы вернёмся, а утром наябедничает, расскажет, как всё было, - и не миновать нам взбучки. Такие, как Сид, мало что сами никогда не послушаются - так ещё и другим не дают веселиться. Пришлось возвращаться домой. Том сказал, что Сид слишком хорош для этого мира и жаль, что такие, как он, до сих пор не перевелись. Я ничего не

ответил - пускай радуется, что ввернул умное слово: по-моему, нехорошо расстраивать человека только затем, чтобы показать, сколько ты знаешь. Но многие всё равно так делают. Я-то знаю, что такое «перевести», - мне вдова объясняла. Перевести можно книгу, а мальчика - нельзя, потому что переводят с одного языка на другой. Вдобавок, книга должна быть иностранная, а Сид никакой не иностранец. Не беда, что Том сказал слово, которого не знает, - он ведь никого при этом не обманывал; Том не раз говорил непонятные слова, но вовсе не для того, чтобы людям голову морочить, а просто потому, что они ему нравились.

Мы пошли домой, надеясь, что Сид не проснулся; по правде сказать, мы даже на это рассчитывали - ведь Провидение о нас заботилось непостижимым образом, и по всему было видно, что нашим заговором оно пока что довольно. Но тут вышла небольшая заминка. Было темно, мы ползли по крыше пристройки, по самому краю. Я полз первым и на полпути к нашему окну присел на корточки, очень осторожно - хотел нащупать гвоздь, который торчал поблизости: я на него несколько раз уже садился, да так, что на другой день и вовсе ни на чём сидеть не хотелось. И тут сверкнула молния, осветила всё ярко-ярко, и - здрасьте: Сид на нас в окно смотрит!

Мы влезли в наше окно, сели и стали шёпотом совещаться. Надо было что-то делать, а что - непонятно. Том и говорит, что по большому счету это пустяки, но всё равно нам сейчас лучше сидеть тихо. Вот если бы Сиду отправить подальше - на ферму к дяде Флетчеру, за тридцать миль отсюда, недельки на четыре, - тогда нам никто не будет мешать и заговор пойдёт как по маслу. Сид, наверное, пока ни о чём не догадался, но теперь начнёт за нами следить и скоро всё разнюхает. Я и спрашиваю:

- Том, когда ты попросишь тётю Полли отправить Сиду отдохнуть? Завтра утром?

- А зачем просить? Так дело не пойдёт. Она сразу начнёт спрашивать, с чего это я вдруг стал так заботиться о Сиде, и заподозрит неладное. Нам нужно что-нибудь такое подстроить, чтобы она сама Сиду отправила подальше.

- Вот и придумывай - это как раз по твоей части.

- Надо пораскинуть мозгами. Наверняка это дело можно уладить.

Я начал было раздеваться, а Том говорит:

- Не надо, будем спать в одежде.

- Это ещё зачем?

- На нас только рубашки и нанковые штаны, они высохнут за три часа.

- А зачем их сушить, Том?

Но Том уже слушал у двери, храпит Сид или нет. Потом прошмыгнул к нему в комнату, схватил одежду Сиды и вывесил за окно, под дождь, а когда она вымокла насквозь, отнёс обратно, а сам лёг спать. Тут я всё понял. Мы прижались друг к дружке, натянули на себя одеяла - было не очень-то приятно, но нужно было терпеть. Том молчал-молчал, думал-думал, а потом говорит:

- Гек, я знаю! Знаю, где можно заразиться корью. Всё равно мы рано или поздно ею переболеем - так лучше мне заразиться сейчас, когда она может пригодиться.

- Зачем?

- Если в доме корь, тётя Полли не разрешит Сиду и Мэри здесь оставаться, а отправит их к дяде Флетчеру - больше некуда.

Только я услышал про этот план - мне сразу тошно стало. Я и говорю:

- Не надо, Том! Никуда твой план не годится! А вдруг ты умрёшь?

- Умру? Ты что, спятил? Никогда ещё такой ерунды не слышал! От кори никто не умирает - только взрослые и совсем маленькие дети.

Я перепугался, стал его отговаривать. Старался как мог, но всё впустую - уж очень Тому этот план был по душе, и он во что бы то ни стало хотел попробовать, а меня просил помочь. Ничего не поделаешь, пришлось согласиться. Том рассказал, что нам нужно сделать, и мы заснули.

Проснулись мы уже сухими, а у Сиды - вся одежда мокрая. Он уже собрался идти жаловаться на нас, а Том ему: пожалуйста, хоть сейчас, вот и посмотрим, кому из нас больше поверят: ведь наша-то одежда сухая! Сид и говорит, что не был на улице, зато видел, как мы выходили. А Том ему:

- Как тебе не стыдно! Опять ты за своё! Вечно ты ходишь во сне: как примерещится что-нибудь - ты и думаешь, что это правда! Неужели не понимаешь, что тебе это всё приснилось? Если ты не ходил во сне, почему тогда твоя одежда мокрая, а наша - сухая?

Сид совсем запутался, ничего не мог понять. Думал он, думал, трогал нашу одежду, да так ничего и не придумал. Да, говорит, теперь понятно, это был просто сон, только уж очень похожий на правду - он отродясь таких не видел! Заговор был спасён, все опасности - позади, Том и говорит: вот видишь, теперь ясно, что Провидение нами довольно. Он был просто в восторге от того, как Провидение охраняет наш заговор и заботится о нём непостижимыми путями, сказал, что на нашем месте кто угодно бы поверил в чудо. Я и сам поверил. Том решил всегда слушаться Провидение, и благодарить его, и стараться всё делать как надо. А после завтрака мы пошли к капитану Гарперу, чтобы заразиться корью, - и у нас получилось, хоть и не сразу. А всё потому, что мы за дело взялись не с того конца. Том

зашел в дом с чёрного хода, поднялся в комнату, где лежал больной Джо, но только собрался лечь к нему в кровать - и тут вошла мама Джо с лекарством, увидела Тома, да как испугалась и говорит:

- О Боже, ты-то как здесь очутился? А ну иди отсюда, глупый мальчишка, - разве ты не знаешь, что у нас корь?

Том стал было объяснять, что просто пришёл узнать, как Джо себя чувствует, но миссис Гарпер его не слушала, а всё гнала и гнала к двери, пока не выгнала совсем. И говорила при этом:

- Скорей беги, спасайся! Ты меня напугал до смерти, а тётя Полли никогда в жизни мне не простит, если ты заболеешь. И сам будешь виноват: почему не зашёл через парадную дверь, как все порядочные люди? - и захлопнула дверь у Тома перед носом.

Но Том теперь знал, что нужно делать. Через час он отправил меня к Гарперам - постучаться в парадную дверь и ждать там маму Джо: кроме неё, открывать было некому - детей из-за кори отправили к соседям, а капитан ушёл по делам; и пока я стоял с ней на крыльце да расспрашивал её о Джо (сказал, что меня вдова Дуглас просила узнать), Том опять пробрался с чёрного хода к Джо, лёг к нему в кровать, накрылся одеялом, а когда вошла мама Джо, она чуть в обморок не упала от ужаса, так и рухнула на стул; а потом заперла Тома в другой комнате и дала знать тёте Полли.

Тётя Полли перепугалась до смерти, у неё едва сил хватило, чтобы собрать вещи Сиды и Мэри. Но уже через полчаса она их выпроводила из дома - переночевать в таверне, а в четыре утра отправляться в дилижансе к дяде Флетчеру; потом забрала Тома, а меня на порог не хотела пускать; она обнимала Тома, и плакала, и обещала из него выбить всю дурь, как только он выздоровеет.

Я пошел в дом вдовы на Кардифской горе и всё рассказал Джиму, а он и отвечает, что план отличный и удался на славу. Джим ни чуточки не волновался: сказал, что корь - это пустяки, все ею болеют и каждый должен заразиться рано или поздно, так что я тоже успокоился.

Через день-другой Том слёг, послали за доктором. Без Тома мы с Джимом не могли устраивать заговор - пришлось нам все дела отложить; вот, думаю, пришла пора малость поскучать - да не тут-то было. Едва Том слёг, ему дали лекарство Джо Гарпера, чтобы корь вывести наружу, - и тут оказалось, что никакая это не корь, а самая настоящая скарлатина. Тётя Полли как услышала - побелела вся, схватилась за сердце и не удержалась бы на ногах, если б её не подхватили. А вслед за ней и весь город переполошился - не было в округе ни одной женщины, которая бы не

боялась за своих детей.

Зато мне теперь некогда было скучать - и слава Богу; я-то скарлатиной уже болел, говорят, едва не сделался слепым лысым глухонемым дурачком - так что тётя Полли только рада была, что я могу приходить ей помогать.

Доктор у нас хороший, старой закалки, трудяга, не из тех, кто бездельничает и ждет, пока болезнь разыграется вовсю, - нет, он пытается болезнь опередить: сразу и кровь пустит, и пластырь наклеит, и вошьет в тебя целый ковш касторки, да еще ковш горячей соленой воды с горчицей, так что у тебя все внутренности переворачиваются, а потом сядет как ни в чём не бывало и станет думать, как тебя лечить.

Тому становилось всё хуже и хуже, ему перестали давать есть, а в комнате закрыли все окна и двери, чтобы стало жарко и уютно и чтоб лихорадку подогреть как следует; а после перестали давать пить - только ложку разваренного хлеба с сахаром через каждые два часа, чтоб во рту не пересыхало. Ясное дело, ничего хуже не бывает: ты помираешь от жажды, и все пьют вкусную холодную воду, а тебе не дают, а между тем она тебе нужна, как никому другому. Том и придумал такую штуку: когда не мог больше терпеть, он мне подмигивал, а я улучал минутку, когда тётя Полли отвернется, и давал ему напиться вволю. Так-то оно лучше стало - я смотрел во все глаза, и стоило Тому подмигнуть - я его тут же поил. Доктор сказал, что для Тома вода сейчас - яд, но я-то знаю: когда весь горишь от скарлатины, тебе уже всё равно.

Том лежал две недели, и было ему очень худо. И вот однажды ночью он начал слабеть, и слабел очень быстро. Ему становилось хуже и хуже, он был без памяти, да всё бредил, бредил, и с головой выдал наш заговор, но тётя Полли себя не помнила от горя и совсем его не слушала, а только сидела над ним, и целовала его, и плакала, и смачивала ему лицо влажной тряпочкой, и говорила, что не вынесет, коли он умрёт, и как она его любит, и жить без него не может, и что без него станет пусто и одиноко. Она называла Тома всякими ласковыми словами, что приходили в голову, и просила, чтоб он посмотрел на неё и сказал, что узнаёт, а Том не мог. А когда он стал шарить вокруг себя рукой, и наткнулся на тётю Полли, и погладил её по щеке, и сказал: «Это ты, старина Гек!» - она стала сама не своя от горя и так плакала и причитала, что я не выдержал и отвернулся. А утром пришел доктор, посмотрел на Тома и говорит тихо так, ласково: «Что Господь ни делает - всё к лучшему, мы не должны роптать». А тётя Полли... нет, не могу дальше рассказывать - на неё смотреть было больно до слёз. Доктор подал знак, и вошел священник, и начал молиться, а мы все стояли молча у кровати и ждали, а тётя Полли плакала. Том лежал тихо-

тихо, с закрытыми глазами. Потом открыл глаза, но, казалось, ничего вокруг не видел - просто взгляд блуждал по сторонам, а потом остановился на мне. И тут один глаз закрылся, а второй как начал жмуриться, щуриться, дергаться, и вот, наконец, у Тома получилось - он подмигнул, хоть и совсем криво! Я бегом к ведру с холодной водой, говорю: «Держите его!» - а сам подношу Тому кружку к губам. Том начал пить жадно-жадно - первый раз за весь день и всю ночь удалось его напоить как следует. Доктор сказал: «Бедный мальчик! Теперь давайте ему всё, что он захочет, - ему уже ничего не повредит».

А вышло по-другому. Вода спасла ему жизнь. С той самой минуты Том начал выздоравливать, и через пять дней уже мог сидеть, а ещё через пять - ходил по комнате. Тётя Полли так радовалась и благодарила судьбу, что даже сказала мне по секрету: хорошо бы Том сейчас напроказничал, а она бы его простила. А ещё сказала, что не знала раньше, как он ей дорог, и поняла по-настоящему только сейчас, когда чуть не потеряла его. А ещё, что всё к лучшему, что она получила хороший урок и теперь будет с Томом поласковей, что бы он ни натворил. И ещё сказала, что, знай мы, как тяжело терять дорогого человека, то ни единым словом не обижали бы наших близких.

Глава 4

Когда Том болел, в первую неделю ему было не так уж и плохо, потом сделалось и впрямь худо, ну а после он пошёл на поправку, так что только середина болезни для него пропала зря. А всё остальное время он занимался заговором: вначале всё обдумывал, чтобы мы с Джимом могли закончить дело, если он умрёт, - это было бы для Тома лучше всякого памятника, а когда выздоравливал, хотел быть во главе. Как только я пришёл за ним ухаживать, он тотчас послал меня к мистеру Бакстеру, начальнику типографии, раздобыть шрифты и попросить, чтобы Тома научили набирать. Мистер Бакстер - очень известный человек в городе, все его уважают. Под началом у него мистер Дэй и ученик. Ни одно благотворительное дело без мистера Бакстера не обходится, и старается он как может - ведь на нём держится вся церковь. По воскресеньям он собирает пожертвования, у всех на глазах, открыто, ходит с тарелкой, а когда закончит, ставит ее на стол - так, чтобы все видели, сколько собрали, и никогда не шарит в ней, как старый Пакстон. А ещё мистер Бакстер - Внутренний страж масонов, Внешний страж Общества взаимопомощи, важное лицо в Обществе врагов бутылки, и в «Дочерях Ревекки», и в «Царских дочерях», и Великий хранитель рыцарей нравственности, и Великий маршал Ордена добрых тамплиеров, и священных одеяний у него видимо-невидимо, а если где какое шествие, он всегда идёт со знаменем, или со шпагой, или несёт Библию на подносе, а вид у него такой важный, степенный - и при этом не получает ни цента. Словом, хороший человек, лучше не бывает.

Пришёл я к мистеру Бакстеру, а он сидит за столом с пером в руке, склонился над длинной полоской бумаги с широкими полями, вычёркивает чуть ли не всё подряд, ставит на полях галочки и ругается. Я и говорю ему, что Том заболел и может умереть, и...

Тут он ни с того ни с сего меня перебивает и говорит быстро и горячо:

- Том? Умирает? Не бывать этому! У нас только один Том Соьер, второго такого больше не будет. Чем я могу помочь? Ну, говори же!

Я начал:

- Том просил... можно ему...

- Можно всё что угодно! Ну, - говорит, - о чём он просит? - а голос такой бодрый, живой, и видно, что от всей души.

- Можно ему взять горсточку старого шрифта, который вам больше не

нужен, и...

Тут он опять меня перебил и крикнул мистеру Дэю:

- Скажи чертёнку, пусть принесёт из пекла большую горсть, да поживей!

Я тогда не знал, что чертями печатники кличут своих подмастерьев, а пеклом зовут ящик для изношенного шрифта, поэтому у меня от страха мурашки по спине забегали. Через минуту мистер Дэй сказал:

- Чертёнок говорит, в пекле пусто, сэр.

- Ясно. Тогда принеси побольше пирога! [3]

У меня аж слюнки потекли - всё-таки здорово, что я сюда пришёл! Тут ученик принёс пару банок из-под устриц, а в банках шрифт - само собой, старый, нового у них не водилось. Потом мистер Бакстер послал ученика за верстаткой и наборной линейкой, а после - за старой кассой, она размером со стиральную доску и вся поделена на маленькие ящички. Все буквы разложили по ящичкам: А - в один, Б - в другой, В - в третий, большие буквы отдельно от маленьких, и мистер Бакстер отправил ученика со мной - помочь донести шрифт и научить Тома набирать.

Парнишка показал Тому, что к чему, а Том всего за два дня, сидя в кровати, набрал весь шрифт из банок, а потом разложил все буквы обратно по местам. Правда, молодчина? Еще бы, на то он и Том Сойер! За пять дней он сам научился печатному ремеслу и теперь мог набирать не хуже других - честное слово, могу доказать! Я отнёс в типографию то, что Том набрал, а мистер Бакстер отпечатал. И когда увидел, что вышло, был просто потрясён - да, так он и сказал! - и дал мне два отпечатка - один для меня, другой для Тома, и мой до сих пор цел.

О НАБОРЕ

Благородное искусство кНигопе[та]тания
которое в одной из **типаграфий** называли
хРанит[е]лем всех **искуств** заодилось в замке
на горе **вЫ**резали буквы на берё30вых до-
щечках и никто не 3нал и неОжидал 4то
они отпечАтаютца ето было сл[у]чайно? от-
крыпи? поЭтому поНемцуи шрифт назы-
ваецR **Buchstaben** от слова Stab палка
даже сей4ас когда делается из металла и
пусть в[с]е народы б-агослов-яют имена
Гутенберга и Фуста* изобретателей
книГо[п]е4атания **аМинь**

ТОМ СОЙЕР Печатник

[4]

Когда мистер Бакстер отпечатал этот лист и взглянул на него, у него слёзы на глаза навернулись. Он сказал:

- Будь я проклят, если во всём христианском мире найдётся хоть один

печатник, который сможет так набрать, - разве что мистер Дэй, да и то когда напьётся.

Когда я Тому рассказал, его так и распирало от гордости - и недаром, тут есть чем гордиться. Но для Тома всё это оказалось слишком: сначала выдумывал из головы, потом сам набирал, да ещё и очень волновался и старался, чтобы всё было правильно, - вот он и не выдержал, слёг совсем. Хворь на него люто накинута, так что он больше и сделать ничего не успел до той самой минуты, когда доктор сказал:

- Гек, у него конвалесценция.

Я не ожидал, что дела так плохи, - взял да и рухнул на месте от ужаса. Меня облили водой, привели в чувство и объяснили, что к чему: доктор, оказывается, хотел сказать, что Том выздоравливает.

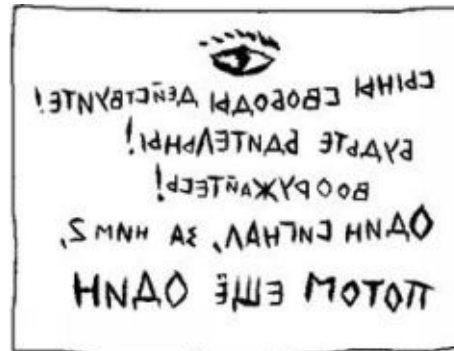
Знаете, некоторые ребята, когда выздоравливают, тут же перестают раскаиваться и снова принимаются за своё - мол, раз всё хорошо кончилось, нечего было пугаться. Другое дело Том: он сказал, что чудом спасся и должен благодарить Провидение и что помощь человеческая немногого стоит, а в человеческой мудрости и вовсе проку нет - вот посмотри на нас, и поймёшь.

- Посмотри на нас, Гек. Мы хотели заразиться корью. Значит, мы ничего не знали и были слепы. Если поразмыслить хорошенько, какой прок от кори? Да никакого. Ну постирают после неё бельё, проветрят комнаты, заберут детей домой - и всё, и выходит, что ты зря болел. Другое дело скарлатина. Когда выздоравливаешь - весь дом убирают дочиста, все вещи сжигают, и ни Сида, ни Мэри к дому и близко не подпустят целых шесть недель, а за шесть недель знаешь сколько всего можно успеть? Как думаешь, Гек, кто нам устроил скарлатину, когда мы ни о чём не знали и ничего лучше кори придумать не могли? Ясное дело, не мы сами. И пусть это тебе будет уроком. О заговоре заботится высшая мудрость - выше нашей, Гек. Когда начинаешь сомневаться и теряешь веру - ничего не бойся, просто вспомни скарлатину и подумай: раз нам Провидение так помогло, значит, поможет и в этот раз. Главное - верить. Если веришь, то всё обязательно будет хорошо - даже лучше, чем ты сам можешь устроить.

И правда, думаю, так оно и есть. Прав Том, тут не придерёшься. Скарлатина спасла наш план: это из-за неё Сид остался в деревне, и не мы сами это придумали.

На дворе уже стояло самое настоящее лето, и Том совсем поправился. Погода для заговора была самая подходящая, и всё остальное как по заказу. Мы перевезли нашу маленькую типографию на остров, чтобы она была всегда под рукой, и, пока я весь день ловил рыбу, плескался в реке,

покуривал да дремал, Том достал резцы и прочие инструменты, взял один из брусков и вырезал на нем:

Потом намазал брусок чёрной типографской краской, намочил лист белой бумаги, положил на брусок и сверху накрыл одеялом, а поверх одеяла положил еще брусок - гладкий, тяжёлый - и принялся по нему стучать изо всех сил колотушкой. А когда достал листок, на нем все отпечаталось, очень красиво, но - Бог ты мой! - задом наперёд, и прочитать было можно, только стоя на голове. Ни я, ни Том не могли понять, как так получилось. Посмотрели на брусок - ас ним всё в порядке. Выходит, не в нём дело. Напечатали ещё раз - опять вышло наперекосяк. Стали думать, и, кажется, поняли, почему у нас не получается. Положили листок в самом низу, брусок перевернули вверх ногами и снова напечатали. Но и это не помогло - опять вышло задом наперёд.

Том сказал, что, когда он набирал шрифт на верстатке, получалось вверх ногами и задом наперед, только непонятно, оставляет ли мистер Бакстер шрифт так или исправляет. Наверняка исправляет - ведь напечатанные строчки читались правильно, но сами мы этому фокусу вряд ли научимся. Значит, надо подождать, а потом вывести у мистера Бакстера этот секрет - он нам, конечно, расскажет, если только мы поклянёмся никому больше не говорить, а мы обязательно поклянёмся - и Том, и я.

Том очень расстроился - еще бы, столько трудов пропало даром. Мне на него жалко было смотреть: сидит без дела, такой усталый, грустный. И вдруг он ни с того ни с сего опять развеселился и сказал, что нам здорово повезло. Ведь листовки задом наперёд - для заговора самое оно: такие странные, зловещие, таинственные. В них даже есть что-то дьявольское, от них народ перепугается в тысячу раз сильнее, чем от обычных, правильных листовок. И говорит:

- Гек, мы же открыли новый способ печати, и теперь прославимся, как Гутенберг и Фуст, и станем знамениты на весь мир, а наш способ сможем запатентовать: разрешим его использовать только для заговоров, да и то лишь людям с безупречной репутацией и лучшим мастерам своего дела.

В общем, всё у нас наладилось. Ведь говорил Том: когда дела идут хуже некуда, надо просто верить, и ждать, и не унывать - и всё обязательно будет хорошо.

Я спросил Тома, кто такие Сыны Свободы, а он отвечает: люди обязательно подумают, что это аболиционисты, и перепугаются до смерти. И тогда я спрашиваю, для чего вверху нарисован орех, а он в ответ: это не орех, это глаз и бровь. Глаз означает бдительность, и он сим-во-ли-чес-кий. Такой уж он уродился, Том Сойер: если в плане нет ничего символического - это не по его части, он тут же об этом плане забудет и пойдёт искать что-нибудь новенькое.

Том сказал, что у нас должен быть рог с низким торжественным звуком - чтобы Сыны Свободы могли давать сигнал. Мы срубили молодое деревце орешника, содрали с него кору - получилась длинная широкая полоска, а после ужина отнесли её к Джиму, и он свернул кору в длинный рог, суженный к концу. А потом пошли в лес вдовы Дуглас, на том склоне горы, что смотрит на город, и Джим забрался на самое высокое дерево и спрятал рог в ветвях. Мы вернулись домой, легли спать, а ночью улизнули из дома и пошли к набережной, а оттуда - к дому Слейтера. Патрульные спали, мы прокрались за домами, пролезли в узенький проход между ювелирным магазином и почтой, повесили нашу листовку на доску объявлений и тем же путём вернулись домой.

А утром, за завтраком, всем было видно, что тётя Полли чем-то расстроена: она места себе не находила, то и дело вскакивала, подходила к окну, выглядывала на улицу да бормотала что-то себе под нос. А вместо сахара положила себе в кофе соль и чуть не подавилась. А то вдруг возьмёт кусочек поджаренного хлеба, начнёт маслом намазывать, да тут же о нём забудет и положит обратно. И вот стоит она, смотрит тоскливо в окно, а Том на место хлеба положил карманный справочник по правописанию. Взяла тетя Полли, не глядя, книжку, намазала маслом и поднесла было ко рту - да как разозлится, швырнёт её через всю комнату и говорит:

- Чёрт побери, я так расстроилась - совсем не соображаю, что делаю. И есть отчего. Знали бы вы, бедные дети, какая нам всем грозит опасность.

- А что случилось, тётя Полли? - Том сделал вид, что очень удивился.

- Разве ты не видишь, какая толпа собралась на улице - ходят туда-сюда и галдят как сумасшедшие? А всё потому, что возле почты повесили кошмарную листовку и аболиционисты хотят поджечь город и выпустить на волю всех негров!

- Тётя Полли, ради Бога, успокойтесь! Не так уж всё и страшно на самом деле.

- Ты-то что об этом знаешь, дурачок? Здесь был Оливер Бентон, и Планкет, редактор, приходил, и Джек Флэкер, и всё мне рассказали. Пока ты спал, а потом только сидел да думал, я слушала взрослых людей, которые не слоняются без дела, а узнают всю правду как она есть - ну и кому я после этого должна верить, тебе или им?

Тётя Полли Тому не дала и слова в ответ сказать, а велела нам доедать поскорее да идти на улицу и смотреть во все глаза, что там делается, и обо всём ей рассказать, чтобы она была готова к худшему. А мы и рады: выбежали на улицу и видим - всё идёт как надо, лучше некуда. Том и говорит: если б он умер, то до конца дней жалел бы, что этого не увидел!

К почте было не подойти. Вокруг толпа, и каждый норовит пролезть поближе, чтобы взглянуть на листовку, а обратно идёт бледный и рассказывает обо всём тем, кто стоит с краю.

Джек Флэкер, сыщик, теперь сделался самым важным человеком в городе: все вились вокруг него и пытались что-нибудь выпросить, а он - ни слова, только кивает в ответ да приговаривает: «Не волнуйтесь, ничего страшного, я сам обо всём позабочусь». А все шепчутся: «Бьюсь об заклад, что он знает этих негодяев и держит их на крючке, и выведет их на чистую воду, как только захочет - вы только в глаза ему посмотрите, от таких глаз не спрячешься!» Полковник Элдер добавил, что листовка очень необычная, а потом доказал, что она - дело рук не простого сброда, а настоящих изуверов, к тому же умнейших. Том, когда услышал, обрадовался: ещё бы, ведь полковника в городе все уважали - он был из старой виргинской знати, из высшего общества. Полковник говорил, что листовка напечатана каким-то новым способом - таинственным и невероятным, а ещё о том, до чего мы дошли и куда катится мир в наше смутное время, - да так говорил, что все дрожали от ужаса.

Дрожали не только от речей полковника - вздрагивали ещё и при каждом слове о сигналах. Говорили, что могут проснуться однажды ночью с перерезанным горлом, а в ушах будут раздаваться ужасные звуки. И вдруг кто-то сказал, что в листовке не написано, что это будет за звук. Многие думали, что заговорщики, скорее всего, будут трубить в рог, но это ничем не докажешь. Кузнец Пит Крюгер, немец, сказал, что это могут быть и удары по наковальне, а Эйб Уоллес, звонарь, добавил: может быть, станут звонить в колокол. А потом все дружно встали и давай ругаться: вот, мол, досада, что никто ничего не знает наверняка, знать бы, что это будет, всем бы полегчало, могли бы даже вздремнуть чуток.

Тут снова заговорил полковник Элдер: мол, это, конечно, плохо, но ещё хуже, что не назван день.

- Да, - отвечали ему, - неизвестно, когда они придут, в листовке об этом ни слова. Может, через неделю-другую, а может, со дня на день.

- А то и сегодня ночью, - сказал полковник, и снова все задрожали. - Время не ждёт, друзья, надо готовиться - не через неделю, не завтра, а прямо сейчас.

Толпа загудела, все сказали, что полковник прав. Он стал говорить дальше, произнёс целую речь, чтобы всех подбодрить. Потом Клегхорн, мировой судья, тоже произнёс речь - к этому времени шум поднялся страшный, весь город высыпал на улицу. И пока всё не улеглось, встал редактор Планкет и принялся расхваливать полковника Элдера: мол, он и на войне был, и под Новым Орлеаном сражался, и знал толк в военном деле, - как раз такой человек нам сейчас и нужен. И предложил выбрать полковника начальником полиции и ввести в городе военное положение. Так и сделали. Полковник всех поблагодарил, сказал, что для него это большая честь, и приказал капитану Хаскинсу и капитану Сэму Рамфорду созвать свои роты, разбить лагерь на городской площади, и по всему городу расставить отряды для охраны, и раздать им боевые патроны, форму и всё такое прочее. На этом все стали расходиться, и мы отправились восвояси.

Том сказал, что всё идёт отлично, но я так совсем не думал. Я и говорю:

- Как же нам теперь ходить по ночам? Ведь солдаты станут следить за нами и мешать! Мы связаны по рукам и ногам, Том, мы ничего не можем сделать!

- А вот и нет. Теперь нам будет даже лучше, чем раньше.

- Это почему же?

- Им будут нужны шпионы, а взять их неоткуда - они и сами прекрасно знают. От Джека Флэкера толку никакого, он и среди бела дня на ровном месте заблудится и никого не выследит. А у меня есть репутация - ведь я разоблачил Данлепов и нашел бриллианты^[5]. Я всё устрою, вот увидишь!

Как Том сказал, так и сделал. Полковник рад был, что Том вызвался, и попросил его, если можно, привести ещё ребят - пусть будут у Тома под началом. Ну, Том и отвечает, что ему нужны только мы с Джимом. Пусть, говорит, Джим шпионит среди негров. Полковник в ответ: отличная мысль - Джима все знают, и ему можно доверять. Дал он Тому пропуска для нас троих, и всё было улажено.

Мы пошли домой и обо всём рассказали, кроме шпионских дел и пропусков. А вскоре услышали барабанную дробь и звук флейты, сначала вдалеке, а потом всё ближе, ближе, и вот уже рядом марширует рота Сэма Рамфорда - раз-два, раз-два! - все солдаты дружно печатают шаг, а Сэм

ревёт: «На пле-чо! Равнение нале-во! Впе-р-р-рёд!» - и всё такое прочее. А флейты визжат, и барабаны грохочут вовсю - аж звон стоит в ушах! - ей-богу, отличное было зрелище, любого бы расшевелило. Детей вокруг столпилось больше, чем было солдат, и форма у солдат была красивая, и знамя тоже, а когда Сэм Рамфорд махал в воздухе саблей и кричал, сабля так сверкала на солнце, что любо-дорого было посмотреть! И только тётя Полли стояла бледная, грустная и вся дрожала. Она и говорит:

- Что нас ждёт, одному Богу известно. Как хорошо, что Сид и Мэри... ах, Том, если бы только ты был там, с ними!

Теперь пришла наша с Томом очередь дрожать от страха. Не дай Бог, тётя Полли отправит Тома куда-нибудь подальше в деревню - в дом, где все уже переболели скарлатиной и согласятся взять его к себе. Том понял, что нельзя терять ни минуты. Мы вышли через чёрный ход - вроде притащить дров для кухни, а сами поплыли на остров, думать, как же нам быть. Том сел один поодаль и стал размышлять, а потом взял сосновый брусок, что-то вырезал на нём и напечатал красной краской много-много вот таких листовок:

Отнесли мы листовки домой, а ночью отправились по шпионским делам и, когда солдаты нас останавливали, показывали пропуска. Мы развесили на дверях шестнадцать листовок, и судье Тэтчеру повесили, и тёте Полли - а всё потому, что Том сказал: если повесить листовку только одной тёте Полли и больше никому, то все остальные сразу что-то заподозрят. Осталось ещё много нерасклеенных листовок, но Том решил, что они нам ещё пригодятся.

На утро - это была среда - опять поднялся большой переполох: те, у кого на дверях были листовки, радовались и благодарили судьбу, а те, у кого их не было, перепугались, разозлились и принялись ругать тех, у кого они были: мол, если они сами не аболиционисты, то уж точно их любимчики, а это почти одно и то же. И никто не мог взять в толк, как же это шайка Сынов Свободы ухитрилась под носом у солдат пробраться в

город и развесить листовки. Ясное дело, все заволновались и начали подозревать друг дружку, не знали, кто свой, кто чужой. Кое-кто даже говорил, что город кишит изменниками. И вдруг все сразу замолчали - боялись сказать ещё хоть слово: ведь и так слишком много всего наговорили, да ещё, может быть, и не тем, кому надо.

Никогда ещё при мне никто так страшно не ругался, как полковник; и Том то же говорит. Полковник собрал капитанов у себя в штабе и сказал, что это позор, что так дальше продолжаться не может и впредь надо лучше следить. И капитаны обещали стараться.

Том велел мне записывать имена тех, кто плохо говорит о людях, у которых на дверях висят наши защитные листовки, и сам тоже обещал записывать.

Тётю Полли успокоила листовка на двери, она уже не так боялась, как раньше. Но утром пришла миссис Лоусон, жена адвоката, и вконец ее расстроила. Она сделала вид, что ничего не знает о листовке тёти Полли, и говорит: слава Богу, у неё самой такая не висит, ей и не надо. Но если кто-то хочет, чтобы их защищали подпольные шайки аболиционистов, и им не стыдно - то пожалуйста, ей всё равно! А когда тётя Полли покраснела и ни слова не могла в ответ вымолвить, миссис Лоусон встала и говорит: «Может быть, я лишнее сболтнула, простите меня», - и ушла, надувшись, а от тёти Поллиного спокойствия и следа не осталось.

Ночью мы повесили листовки на дверях у всех, кого взяли на заметку, и у миссис Лоусон тоже. Это многих заставило замолчать, и миссис Лоусон тоже притихла и успокоилась, не то что раньше. А ещё одну листовку мы нацепили на спину Джеку Флэкеру - он спал на своём посту у дровяного склада. Утром мы с Томом пошли бродить по городу и вдруг видим: пять листовок висят не на тех дверях, куда мы их вешали.

Том и говорит: подожди до завтрашнего утра - увидим ещё кое-что интересное! Так оно и вышло: все, у кого были листовки, подписали их своими именами, чтоб никто не стащил - их ведь воровали по всему городу. И тётя Полли подписала своё имя - крупно, разборчиво. И миссис Лоусон тоже.

К субботе все в городе, у кого не было листовок, ходили усталые и помятые - все три ночи они не ложились, слушали сигналы, а когда становилось невмоготу, так и засыпали одетыми. А сигналов всё не было и не было, все уже перестали бояться, но тут пришла газета, и всё началось сначала - ведь в ней только об этом речь и шла, да так всё расписывали, что хуже некуда. И ещё там печатали отрывки из иллинойских и сент-луисских газет - вот, мол, какая слава идёт о нашем городе. Все и

гордились, и боялись, а газету читали от корки до корки - Том говорит, раньше сроду такого не было. Он тоже загордился и сказал, что заговор у нас на славу и надо продолжать и теперь наделать еще больше шума.

Глава 5

Дела у нас опять пошли на лад, и ночью мы повесили объявление о награде за беглого чернокожего мальчика. Джим был с нами, по шпионским делам. А потом мы стали строить планы на завтра, и вот что придумали. Ближе к вечеру мы с Томом пойдём к дому с привидениями у Рачьего ручья, и, пока Том переодевается в негра, я отправлюсь дальше - к Кроту Брэдишу, и скажу, что знаю, где прячется этот самый негр, и могу показать ему место в обмен на часть награды. Потом приведу его куда нужно и передам ему Тома, вместе с цепью и всем прочим, а у Тома будет с собой запасной ключ, и ночью он снимет с цепи замок, сбежит, вернётся в дом с привидениями, переоденется, смочит с себя краску в ручье и отнесёт негритянский костюм домой. А Джим в полночь заберётся на высокое дерево, протрубит в рог и нагонит страх на весь город. Утром Крот, конечно, явится в город и расскажет, что у него сбежал негр. Вот тогда все уж точно подумают, что это дело рук аболиционистов, - славная будет заварушка! А Том мог бы поработать сыщиком, помочь искать самого себя: то-то будет интересно!

На другой день, под вечер, мы подходили к дому с привидениями и уже почти выбрались из леса на открытое место, как вдруг Том схватил меня за руку и говорит: стой, кто-то идёт вдоль ручья! Смотрим - и вправду, Крот Брэдиш! Том велел мне идти ему навстречу, рассказать, в чём дело, и увести его подальше, а он, Том, тем временем переоделся бы в доме с привидениями. Я оставил Тома ждать в кустах, а сам пошёл навстречу Кроту и рассказал ему про негра. Только Крот и не подумал сразу никуда кидаться, а, наоборот, был недоволен: стал чесать в голове, ругаться потихоньку и сказал, что уже поймал одного беглого негра полчаса назад, а с двумя ему уже не справиться, да ещё в такое беспокойное времечко, и не мог бы я за своим пока приглядеть, а через денёк-другой снова прийти?

Что делать дальше, я не знал. Теперь в заговоре блеску могло сильно поубавиться, и Тому бы это вряд ли понравилось. Я и постарался как-то выкрутиться и сказал, что, пожалуй, справлюсь с этим делом. Брэдиш обрадовался, ответил, что я ничего при этом не теряю, и стал рассказывать, какого превосходного негра он заполучил: за него обещана награда в пятьсот долларов, а Крот перекупил его за двести у человека, который его поймал, так что триста долларов чистой прибыли обеспечены - дельце выгодное, отлично сработано! А сейчас он идёт в город повидаться с

шерифом и всё уладить. Только Крот исчез из виду, я свистнул Тому, он вышел, и я выложил ему плохие новости.

Том совсем скис. Я так и знал, что он огорчится. Он-то мечтал, что скоро смоем краску и пойдёт охотиться сам за собой, и тут начнутся приключения одно другого интереснее. Ну никак он не мог успокоиться. Я про себя стал думать, что Провидение отворачивается от нашего заговора. Думал-думал, а потом взял да ляпнул по глупости. Том здорово разозлился и сразу накинулся на меня: мол, как мне не стыдно, я человек без веры и не заслуживаю милостей Провидения, и как же я не понимаю, что это один из самых таинственных и непостижимых ходов во всём заговоре! Ну, думаю, раз Том ругается, значит, скоро всё пойдёт на лад, надо просто оставить его в покое и не вмешиваться - пускай твердит, пока сам не поверит, что всё идёт по плану и так и должно быть. Так оно и вышло. Том опять повеселел, сказал, что всё к лучшему и какой же он был дурак и грешник - не догадался, что к чему, и сразу нос повесил. Я молча слушал, а он тарахтел и тарахтел, да и говорит, наконец: всё, теперь ясно, в чём новый план Провидения, - нужно пойти и поменяться местами с тем негром! Том уже собрался идти переодеваться, только я ему говорю:

- Том Соьер, за того негра обещают пятьсот долларов, а за тебя никогда в жизни столько не дадут, как ты ни одевайся.

Тут уж, как ни крути, Том ничего не мог поделать. Но он виду не хотел подавать, что я его посадил в лужу. С минуту он просто болтал, что в голову придет, а сам пытался сообразить, а потом и говорит: пока мы того негра своими глазами не увидим, ничего точно сказать нельзя. И зовёт меня: пошли!

По мне, так идти никакого толку не было, да не хотелось обижать Тома, и мы двинулись вверх по лощине. Уже стемнело, но дорогу мы знали. Подошли к бревенчатой хижине, света в ней не было, но в пристройке горел огонь, и через щели всё было видно. Негр был мужчина, да ещё какой верзила - за такого и тысячу долларов не жалко отдать! Он был в цепях и, растянувшись на земле, громко храпел.

Том и предложил: давай зайдём да рассмотрим его хорошенько! А я - ни в какую. Нет уж, говорю, увольте - ночью с незнакомым негром, да еще в таком глухом месте, шутки плохи. А Том в ответ: ну ладно, не хочешь - не надо, никто не заставляет. Он без труда отодвинул щеколду и вполз на четвереньках внутрь, а я смотрел в щель, что же дальше. Том добрался до дальнего конца комнаты, где лежал негр, взял свечку, заслонил её рукой и стал разглядывать негра, а тот храпел, широко раскрыв рот. Вдруг вижу - Том застыл от удивления: наверное, негр что-то сказал во сне, я и сам

слышал, как он что-то пробурчал. Том поднял старые стоптанные башмаки негра и принялся их вертеть так и сяк, рассматривать, совсем как заправский сыщик. Тут из одного башмака что-то выпало. Том поднял и стал осматриваться вокруг - ну ни дать ни взять настоящий сыщик! - потом поставил свечу на место, выполз наружу и говорит: пошли!

Мы отправились в дом с привидениями, и, пока взбирались вверх по Кардифской горе, Том говорил:

- Это тебе хороший урок, Гек Финн - в следующий раз не будешь таким маловером.

- Это еще почему?

- А потому, что всё шло по плану, по замыслу Провидения, верно?

- Верно. Всё шло по плану - и план провалился.

- Так уж и провалился! По плану негр должен был сбежать отсюда сегодня ночью, так ведь?

- Да.

- Ну, всё к тому идёт.

- Ерунда! Что ты несешь?

- Это должен был быть белый негр, так?

- Да.

- Вот-вот. Значит, так оно и будет!

- Не может быть, Том!

- Может!

- Том, он что, правда белый? Честное индейское?

- Честное индейское, Гек, - белый.

- Ну и ну! Сколько лет на свете живу, а такого еще не видел!

- Гек, всё идёт точь-в-точь как мы задумывали. Провидение ничего в нашем плане не изменило, всего-навсего другого человека на моё место поставило. Теперь-то у тебя веры должно прибавиться.

- Ещё бы, Том, такая диковина...

- Диковина? Да я же тебе говорил, что это самый таинственный и непостижимый ход во всём заговоре. Теперь ты, конечно, и сам убедился. Мы не знаем, зачем Провидение так сделало, Гек, но ясно одно - это к лучшему.

Том говорил очень торжественно, и не зря. Ещё бы, всё было так странно и удивительно! Мы притихли на минутку, а потом я спрашиваю:

- Том, откуда ты знаешь, что он белый?

- Да по всему видно. Если бы старый Крот видел хоть чуточку получше, его бы не провели. Для начала, Гек, ладони у этого негра чёрные.

- Ну и что?

- Ну и болван же ты, Гек! У настоящих негров не бывает чёрных ладоней!

- И правда, Том, я об этом и не подумал.

- А ещё он разговаривал во сне, и говор у него был как у белого - видно, ещё не научился и во сне говорить как негры.

- А с чего ты взял, что он сегодня ночью сбежит?

- Доказательство - у него в ботинке.

- Оттуда что-то выпало. Это оно и есть?

- Выпали две вещи, одну я положил назад. Это был ключ. Но сперва я попробовал вставить его в замок у негра на цепи, и он подошёл.

- Ну и дела!

- Вот видишь, он действует точь-в-точь по нашему плану!

- Вот чудеса, Том! Отродясь ничего такого не видывал! А что ещё выпало из ботинка?

- Оно у меня с собой.

- Дай посмотреть, Том! Что это?

Но он меня остановил и говорит: сейчас темно, всё равно ничего не увидишь. Я догадался, что у него опять какая-то тайна и надо подождать, пока он сам не расскажет. Я и спрашиваю, как ему пришло в голову искать у негра в башмаках. Том в ответ фыркнул:

- Ты что, совсем думать разучился, Гек Финн? Где бы, по-твоему, стал искать настоящий сыщик? Везде - и ничего бы не пропустил. Сначала он ищет в самых видных местах - то есть там, где искать никому и в голову не придёт, а если там ничего не найдёт, то примется за более укромные, то есть обычные, места. Но осмотреть он должен всё, такая у него работа. И на суде должен всё помнить. Мне, конечно, не хотелось, чтобы в ботинках что-то нашлось.

- Почему, Том?

- Я же тебе сказал почему. Потому что ботинки - слишком уж очевидное место. Если белый выдаёт себя за негра, он догадается, что его новый хозяин, может быть, захочет его обыскать, а поэтому ничего подозрительного в карманах прятать не станет, ведь так?

- Сам бы я до этого не додумался, но, наверно, так оно и есть. Всё-то ты замечаешь, Том, во всё вникаешь.

- На то я и сыщик. Я запомнил каждую мелочь в этой пристройке и обо всём могу рассказать: от мушкета на крючке, без кремня в замке, до старых серебряных часов Брэдиша - они висят под полкой, минутная стрелка у них сломана - она такой же длины, как часовая, и если захочешь узнать по ним время, то ошибёшься недели на две, не меньше. И ещё я заметил...

Вдруг меня осенило:

- Том!

- Что?

- Ну и дураки мы с тобой!

- Почему?

- Потому что теряем время попусту! Скорей бегом к шерифу - пусть он придёт сюда, схватит этого молодчика и посадит в тюрьму за то, что он надул Крота Брэдиша.

Том так и застыл на месте, да и отвечает ехидно:

- Ты что, и вправду так думаешь?

Я смутился, но всё равно сказал «Да», хоть и не очень твёрдо.

- Гек Финн, - отвечает он горестно, - вечно ты упускаешь из виду отличные возможности. Заговор идёт как по маслу, а ты хочешь так бездарно выдать негра шерифу и всё испортить.

- Почему испортить, Том Сойер?

- А ты подумай немножко, и увидишь. Как, по-твоему, на нашем месте поступил бы сыщик? Пошел бы, как самый обычный простофиля, поймал бы этого жулика, выведал у него, где его сообщник, потом схватил бы и сообщника, вытряс из него двести долларов, и всё? И до утра бы всё закончилось, и никакого блеску! Никогда ещё не встречал таких тврдолобых, как ты, Гек Финн!

- Ну а что же ещё, по-твоему, делать, Том Сойер? Если у сыщика есть хоть капля здравого смысла, он так и поступит.

- Здравый смысл! - передразнил Том. - Дурачок, зачем сыщику здравый смысл? Он тут вовсе не нужен, а нужна гениальность, проницательность и чудесные озарения! Сыщик, у которого есть здравый смысл, никогда себе славы не наживёт, а то и вовсе без куска хлеба останется.

- Ну и что же, - спрашиваю, - теперь делать?

- Выход у нас только один. Оставим в покое этих жуликов - пускай делают своё дело и убираются, а мы найдём улики и выследим их. На это, может быть, уйдет не одна неделя, зато славы будет, сколько нам и не снилось! Тут всё дело в уликах.

- Ладно, - отвечаю сердито, - будь по-твоему, но, сдаётся мне, глупости всё это.

- С чего ты взял, что глупости, Гек Финн?

- Потому что вилами по воде писано, поймашь ты их или нет, а если даже и поймашь, то они уже просадят свои двести долларов, и Кроту этих денег не вернуть. Где же тут здравый смысл?

- Говорил я тебе, что в частном сыске никакого здравого смысла нет, ну

и чурбан ты! Это выше, и лучше, и благороднее, а деньги - кому они нужны? Тут дело в славе!

- Ладно, - отвечаю, - делай как знаешь, я мешать не стану. Выкладывай свой план.

- Ну вот, совсем другое дело! Пошли, а пока будем взбираться наверх, я тебе расскажу. Эти два мошенника думают, что они в безопасности. Им невдомёк, что в захудалом городишке вроде нашего могут быть сыщики. Им такое и в голову не придёт! Потому-то они для нас лёгкая добыча. Негр смоем краску, они переоденутся по-новому, так что их ни Крот не узнает, ни кто-нибудь ещё, и, вполне возможно, останутся пока здесь, чтобы ещё кого-нибудь надуть. Ну а теперь - наш план. Если вы с Джимом встретите здесь чужака, сразу говорите мне. Если это тот самый негр, я узнаю его и оставлю в покое, пока не застану с другим чужаком, - тут-то мы их и схватим!

- А вдруг ты их с кем-нибудь перепутаешь?

- Предоставь дело мне, всё будет как надо, вот увидишь.

- Это и есть весь план, Том?

- Этого более чем достаточно. Всё, что от тебя нужно, - отслеживать чужаков и рассказывать мне.

Мы пошли дальше, забрались на наше дерево, а там уже сидел Джим. Мы ему рассказали, что к чему, а он обрадовался и ответил, что наш заговор - самый лучший на свете и идёт как надо. А в половине второго ночи Джим протрубил в рог. Вышло очень громко и страшно - даже мертвецы и те, наверное, в могилах переворачивались. Потом мы отправились в город - посмотреть, что же мы натворили.

Глава 6

Получилось так, что лучше не бывает! И Том так сказал, и Джим. Народу было на улицах видимо-невидимо, и все так перепугались, будто конец света настал. В домах огни горят, все кричат наперебой, и ругаются, и пророчествуют, а сами от страха даже не понимают, что говорят. И барабаны грохочут, и флейты играют, и солдаты маршируют, а полковник Элдер и Сэм Рамфорд выкрикивают команды, и собаки воют - одним словом, красота необыкновенная!

За час до рассвета Том засобирился обратно к Кроту Брэдишу - искать следы и прочие улики, пока они еще свеженькие, и тогда можно будет выслеживать беглого негра. Тётя Полли, понятное дело, станет волноваться, но идти к ней отпрашиваться сейчас нельзя: возьмёт да и запрет Тома на замок, и как же тогда наш заговор? Том и велел Джиму сходить к тёте Полли - объяснить, что Том ушёл по шпионским делам, попросить у неё разрешения и успокоить её, а потом Джим нас догонит. Мы с Томом пошли по дороге вдоль реки и добрались до домика Крота, когда уже светало.

Пришли, а там - о Боже! Прямо возле пристройки на земле лежит Крот Брэдиш, весь в крови - похоже, помер; рядом с ним его старый мушкет, на стволе - волосы и кровь; пристройка открыта, негра и след простыл, всё перевернуто, вещи разбросаны, поломаны, а вокруг полно отпечатков, следов и улик - выбирай на вкус. Том велел мне бежать за гробовщиком - только не за новым, пусть лучше за делом возьмется Джек Трамбулл, наш старый приятель, - а он, Том, меня догонит, как только соберёт улики.

Уж чего-чего, а проворства Тому не занимать. Я и за поворот зайти не успел, оглянулся - а он уже мне шляпой машет. Подбежал я к нему, а он говорит:

- За помощью идти не нужно, Гек. Обо всём уже позаботились.
- То есть как позаботились, Том? Почему ты так думаешь?
- Я не думаю, я знаю. Здесь был Джим.

Оказалось, и вправду был. Том нашёл его следы. Джим, ясное дело, пошёл короткой дорогой, через гору, и нас обогнал - мы ведь шли по длинной, вдоль реки. Я совсем из сил выбился и был рад-радешенек, что теперь не надо ни за кем бежать. Пока Том осматривал улики, я зашёл за дом - оттуда не было видно мертвеца - и присел отдохнуть. А уже через пару минут пришёл Том и говорит, что со всем управился: кроме Крота и

Джима, здесь были ещё четверо, и у него есть их следы, а в пристройке - только следы Крота, белого негра и ещё чьи-то - наверное, его приятеля. Джим и двое других пошли за помощью короткой дорогой через гору, а негр и его сообщник побежали к ручью - скорей за ними!

По следу идти было легко: кругом низенькие кочки с чахлой травой, а между ними - голая земля, и следы глубоко отпечатались в пыли. Сразу видно, бежали что есть силы! Том и говорит:

- Похоже, места наши они плохо знают, а может быть, совсем уж перепугались или в темноте с дороги сбились. Как ни кинь, если они сейчас же не свернут влево, им придётся худо.

- Так оно и есть, - говорю, - они бегут прямёхонько к обрыву.

Обрыв был двенадцать футов высотой и сплошь порос низкими кустами - если не знаешь наших мест, его и днём не увидишь, пока не очутишься на самом краю. Мы шли по следу до самого конца, потом свернули влево, спустились, снова отыскивали след и шли по нему ещё пятьдесят ярдов до ручья. Вода в ручье поднялась высоко, как никогда, но уже начала спадать, и вдоль берега шла широкая полоса подсохшей грязи - сморщенная, вонючая. Том и говорит:

- На наше счастье, Гек, приятель негра ушиб левую ногу, когда упал с обрыва, - видишь, он её приволакивал, и негру пришлось помогать. Вот и ещё одна улика!

Такой уж он, Том: его мёдом не корми - подавай улики! Он и говорит:

- Они стащили челнок старого капитана Хейнса.

Том сказал, что узнал челнок по отпечатку носа в иле. Может, и правда - не знаю. Сколько раз я брал без спросу этот челнок, никогда не обращал внимания. Я и говорю:

- Всё, можно идти домой. Они уже в Иллинойсе, теперь поминай как звали.

А Том в ответ: нет, погоди, может, в Иллинойсе, а может, и нет. Не надо спешить - лучше самим взять и проверить. И говорит:

- Что толку гадать? Есть только один способ что-то узнать наверняка: увидеть своими глазами. И вообще, посмотри на дело со всех сторон. А если нога у парня сломана? Он что, пойдёт в Иллинойс, где леса без конца и края? Как бы не так, ему сейчас не в Иллинойс надо, а к доктору. В городе они точно не были, их бы сразу загребли. Они ведь чужаки, а время сейчас смутное, и чужакам в городе появляться опасно. К нам они спустились вниз по реке или пришли с того берега; Крота они знают, не в первый раз имеют с ним дело. Если у парня сломана нога, то им нужен будет врач.

- Значит, Том, они ушли в город.

- В челноке капитана Хейнса? Прямо с места убийства? При том что челнок они как пить дать стащили? Нет, не могли они уйти в город.

- Пожалуй, не могли. Что же им теперь делать, Том?

Мы брели вдоль ручья вниз по течению. Том подумал-подумал, да и говорит:

- Гек, если у них времени некуда девать, то могли и успеть, но, судя по всему, нет. До ближайшего города вверх по реке двадцать миль, это целый день пути на таком челноке с одним веслом. До ближайшего города вниз по реке двадцать одна миля - пять часов ходу. До толку от этого всё равно никакого - об убийстве там узнают сегодня же, и даже утопи они челнок Хейнса и укради другой, всё равно от вопросов, что у парня с ногой, им не уйти. - Том поразмыслил ещё, да и говорит: - Хорошо, если они успели. Надеюсь, времени им хватило. Тогда к вечеру мы их поймаем, это уж точно!

- Хорошо бы! - отвечаю.

Мы шагали дальше, Том на ходу высматривал улики. И вдруг покачал головой, вздохнул глубоко, да и говорит:

- Нет, Гек, ничего не выйдет. Они где-то здесь, рядом - не хватило им времени.

- Откуда ты знаешь?

- То ли негр проспал, то ли сообщник опоздал часа на три, то ли ещё что случилось, но управились они только к рассвету.

- С чего ты взял, Том?

- Когда мы пришли, Крот был еще теплый - я его пощупал под жилетом.

Меня в дрожь бросило от ужаса: я бы ни за что так не смог.

- А дальше? - спрашиваю.

- Чтобы тайком привести к приятелю доктора, негр должен смыть краску и переодеться в костюм, какие носят белые, да и приятель, наверное, тоже переодетый. Ну, у негра точно есть запасное платье. Переодеться ему нужно сразу после побега, пока его никто не увидел. Значит, одежда должна быть спрятана неподалёку. Ну а пока негр смывает краску, да они переоденутся, да проплывут три мили, уже наступит день, начнётся погоня, и их поймают в первом же городе - не важно, в какую сторону они поплывут. Если они так сделали, то просчитались.

Прошагали мы около полумили вниз по ручью, поравнялись с кустами позади дома с привидениями, и тут снова наткнулись на след. Том и говорит:

- Вот интересно! Они всё сделали вперёд нас и точь-в-точь по нашему плану: и в негров переоделись, как мы хотели, и в раздевалку нашу забрались. Они здесь уже побывали, Гек.

Челнок было не видать. То ли они его спрятали, то ли пустили по течению - не знаю, да это и не важно. Прокрались мы через кусты и видим: прямо к дому, через высокий бурьян, где раньше был сад, тянутся следы. Окна так и остались заколочены с прошлого лета, когда мы с Томом здесь играли в банду фальшивомонетчиков - вырезали по ночам деньги из жести, а по воскресеньям жертвовали их миссионерам. Дом казался, как всегда, очень одиноким и мрачным. Том и говорит: а теперь встаём на четвереньки и ползём через бурьян - медленно-медленно, и ни в коем случае не шумим, а то нас услышат. Я отвечаю:

- Кто? Я? Да ни за какие коврижки! Если хочешь нарваться на этих бандитов и попасть в беду - дело твоё, я тебя здесь подожду, но сам с места не двинусь.

Том взял курс по своему маленькому компасу и пополз, а я сидел в кустах и смотрел. Том здорово всё провернул. Только верхушки бурьяна слегка шевелились: покачаются-покачаются, потом всё стихнет, а после опять зашевелится, но уже чуть поодаль, и я всегда знал, где Том, а Том хоть и медленно, но всё время продвигался вперёд. Наконец он туда пробрался, а я ждал долго-долго, чуть со скуки не помер, а потом испугался, что его схватили и задушили до смерти. И тут вижу - трава шевелится. Значит, Том возвращается! Слов нет, как я обрадовался. Том поравнялся со мной и говорит:

- Пошли, всё в порядке - они там. Я пополз через дыру, где свиньи пролезают под дом, темно было хоть глаз выколи, я и сунул голову в трещину в полу...

- Ну и дурак!

- Сам дурак - меня не было видно! Меня бы даже при свете никто не увидел - мешал наш фальшивомонетный сундук. Я их тоже не видел, зато слышал. Они были совсем рядом, почти как ты сейчас. Будь у меня трость, я мог бы до них дотянуться и ткнуть. Но лучше не надо.

- Значит, Том Сойер, хоть капля здравого смысла у тебя осталась, но всё равно меньше, чем нужно. Что они говорили?

- Обсуждали драку.

- Ну, само собой разумеется. А если поточней?

- Много чего.

Тут он сказал, что очень устал и ему неохота тащиться пешком в город, да и спешить некуда - лучше прыгнуть в воду и доплыть до города на

спине. Мне это пришлось по душе, но я понял, что о том разговоре больше ничего не узнаю. Похоже, те два мошенника опять что-то задумали, но их план пока что как цыплёнок, который из яйца не вылупился, и Том ещё не готов рассказать.

А вскоре на нас свалилась такая удача, что нам и не снилось. Добрались мы до места, где ручей впадает в реку, и видим: у берега стоит ялик с вёслами в уключинах, а хозяина поблизости не видно. Вот мы и решили взять его на время. Том поблагодарил Провидение, мы сели в ялик, отошли подальше от берега, бросили вёсла - пусть плывёт себе по течению, а сами разлеглись и закурили трубки. Вот было здорово - после всего, что нам досталось за день! Немного погодя Том говорит:

- В плане этого не было, но всё к лучшему.

- Чего не было?

- Убийства. Жаль, конечно, Крота Брэдиша - он ничего плохого не делал. Но ведь кто-то же должен был оказаться на его месте, и для заговора это очень хорошо, правда, Гек? Мы должны благодарить Провидение. И верить сильнее, чем когда-либо. Сначала бы это и в голову не пришло, Гек, но теперь ясно, что заговор, если его устраивать по всем правилам, ничуть не хуже революции. Ей-богу, не хуже, и хлопот с ним меньше.

- Да, пожалуй.

- Понимаешь, Гек, заговор кое в чём очень похож на революцию, а если не знаешь, так их и вовсе не отличишь. Его устраивают из-за чего-то одного, а выходит совсем другое. Мы хотели всего-навсего перепугать народ в городке, а кончилось убийством работорговца. Значит, тут налицо все признаки революции, и раз у нас дело идет так гладко, думаю, если постараться хорошенько, можно наш заговор превратить в самую настоящую революцию. Нужен только капитал и повод, из-за чего восставать.

Ну, раз Том завёлся, лучше оставить его в покое. Пусть себе обдумывает свой план, пусть разукрасит его хорошенько, а я полежу тихонечко и отдохну.

Добрались мы до города, сошли на берег возле Холодного ручья - там, где мельница, а навстречу нам Билл, одноногий негр Хиггинса, подпрыгивает, опираясь на костыль, запыхался, от страха сам не свой и говорит:

- Масса Том, старик Джим просит, чтобы вы с Геком шли к нему в тюрьму, да поживей - его поймали и посадили за решетку.

- За что?

- Он убил старого Крота Брэдиша.

- Господи помилуй! - отвечаю.

Посмотрел я на Тома, а он весь сияет от радости. Меня просто в дрожь бросило.

Дал он Биллу десять центов и говорит как ни в чём не бывало:

- Хорошо, беги, мы сейчас придём! - Билл ушёл, и мы ускорили шаг. Том и говорит радостно: - Правда, здорово всё идёт? Это самый блестящий ход, мы бы в жизни до такого не додумались! Теперь-то ты согласишься по-настоящему и перестанешь вешать нос.

- Том Сойер, - отвечаю, - что ты здесь нашёл хорошего? - Я был сам не свой от горя и злости и чуть не плакал. - Старина Джим, наш самый лучший друг, золотое сердце, другого такого честного и чистого человека на свете нет, и вот теперь его хотят повесить за убийство, которого он не совершал. Я-то точно знаю, что он никого не убивал, а всё из-за этого проклятого заговора, чтоб его...

- Замолчи! Не тебе судить, что хорошо, а что плохо! Первый раз вижу такого болвана: что ни делает Провидение, всё ему не по нраву. Постыдился бы! Кто здесь главный заговорщик - ты, что ли? Да как бы не так: ты только мешаешь заговору как только можешь! Говоришь, нашего Джима повесят? Ну ты и осёл, да разве мы допустим, чтоб его повесили?

- Нет, но...

- Замолчи! Никаких «но»! Всё будет хорошо, просто великолепно. Мы с тобой и с Джимом будем купаться в лучах славы! Дубина ты, счастья своего не понимаешь! Говоришь, Джима повесят? Ничего подобного, он станет героем - вот что будет! И духовой оркестр, и факельное шествие в придачу, не будь я сыщик!

У меня, ясное дело, отлегло от сердца. Этим всегда кончается: Том так твёрдо во всё верит, что хочешь не хочешь, начинаешь с ним соглашаться.

Мы с Томом были важные птицы, с пропусками, так что пробились через толпу у входа в тюрьму, и шериф нас пропустил, а больше никого не хотел пускать. Том мне шепнул: ни в чём не признавайся! Он собрался говорить с шерифом за нас обоих, и сам тоже сделал вид, что ничего не знает. Всё удалось как нельзя лучше, Том шерифу ни единым словом не проболтался. Старик Джим перепугался до смерти и был уверен, что его повесят, а Том нисколько не волновался и говорил ему: не бойся, до этого дело не дойдёт. И десяти минут не прошло, как Джим успокоился и повеселел. Том Джиму сказал, что полицейские ему не будут задавать вопросов, а если вдруг кто-то зайдёт и спросит что-нибудь, надо отвечать: я ни с кем не буду разговаривать, кроме своего адвоката. А после Джим рассказал нам, что с ним случилось.

Тётю Полли он дома не застал: она, ясное дело, выбежала на улицу посмотреть, что за ужас там творится. Джим сразу пошёл нас догонять, но отправился короткой дорогой через Кардифскую гору, а мы-то шли по длинной, вдоль реки, так что до дома Брэдиша он добрался ещё затемно, споткнулся о мёртвого Крота и упал прямо на него. А как стал подниматься, тут подбежали двое и схватили его. Оказалось, это Бак Фишер и старый капитан Хейнс прибежали на страшный шум и теперь рады были, что поймали Джима с поличным. Джим хотел им всё объяснить, но ему и слова сказать не дали - мол, слово негра не стоит ломаного гроша. Пощупали Кроту сердце, сказали, что он мёртв, отвели Джима обратной дорогой в город, а оттуда в тюрьму и всем рассказали, что стряслось, и тут такой переполох поднялся, что дальше некуда. Том поразмыслил чуть-чуть, да и говорит задумчиво:

- Могло быть и лучше. Но и так тоже неплохо.
- Боже милосердный, масса Том, разве можно так говорить? Я сижу тут весь в его крови, а вы...
- Так, неплохо - хорошее доказательство, просто отличное, но с ним далеко не уедешь.
- О чём это вы, масса Том?
- Само по себе это ничего не доказывает. Нужен мотив.
- Что такое мотив, масса Том?
- Причина для убийства Крота Брэдиша.
- Боже сохрани, масса Том, я же не убивал его!
- Знаю. В этом-то вся и загвоздка. Доказать, что ты мог его убить, труда не составляет. Это, конечно, хорошо, но, чтобы отправить человека на виселицу - во всяком случае, белого, - этого мало. А будь у тебя мотив - было бы куда надёжней.
- То ли я не в своём уме, масса Том, то ли вы. Ничего не понимаю, провалиться мне на этом месте!
- Да чёрт побери, это же проще простого! Давай разберёмся. Я хочу тебя спасти - тут всё понятно, это пара пустяков. Но что особенного в том, чтобы просто вытащить человека из тюрьмы? То ли дело спасти его от виселицы! Тут должно быть убийство с отягчающими обстоятельствами, понимаешь? А значит, у тебя должен быть мотив - и тогда всё будет просто замечательно! Джим, если придумаешь подходящий мотив, я сделаю так, что тебя осудят за убийство с отягчающими обстоятельствами, - мне это раз плюнуть!

Том был как на иголках от новой затеи, а Джим... Джим до того изумился и перепугался, что слова не мог вымолвить.

- Масса Том, побойтесь Бога, сынок - я бы ни за что...

- Не хнычь, говорю тебе, а подумай о мотиве! Пока ты дурака валяешь, я бы на твоём месте напридумывал уже с десяток! Скажи, тебе нравился Крот Брэдиш? А ты ему?

Джим замялся. Том сразу всё понял и принялся его расспрашивать. Как Джим ни юлил, ничего ему не помогло. Том вытянул из него всю правду: оказалось, когда старая мисс Уотсон чуть не продала Джима на Юг, а Джим услышал про это и сбежал, и мы с ним поплыли на плоту в Арканзас - так вот, тут не обошлось без Брэдиша. Это он уговорил мисс Уотсон продать Джима, а сам хотел быть посредником. Наконец Том говорит:

- Всё, хватит. Вот и мотив. Теперь всё у нас как надо: это убийство с отягчающими обстоятельствами, и мы повеселимся на славу, а в конце ты, Джим, станешь героем - готов поспорить на тысячу долларов. Но Джиму это ни чуточки не понравилось. Он сказал, что был бы рад и за десять центов выйти из игры. Том был очень доволен. Теперь, говорит, нужно рассказать окружному прокурору про мотив, и тогда всё пойдёт как по маслу. Потом он договорился с шерифом, чтобы Джиму давали табак, и вкусную еду, и всё, что он пожелает, а Джиму на прощанье пообещал, что мы будем приходить каждый день и скучать ему не дадим. А потом мы ушли.

Глава 7

Шум поднялся на весь город. Все говорили об убийстве, и никто не сомневался, что Джим в сговоре с Сынами Свободы, и что бандиты ему заплатили за убийство работорговца, и что убийства ещё будут: каждый, у кого есть негры, должен опасаться за свою жизнь, и что, мол, это только начало, и теперь, вот увидите, город потопят в крови. Так они говорили. Всё, что болтали про Джима, - это, конечно, вздор. Он всегда был хорошим негром, и все это знали. Но его уже больше года как отпустили на волю, поэтому на него, известное дело, злились, а о доброте его и думать забыли. Так всегда бывает. А о Кроте Брэдише так горевали, будто он был ангел. Все о нём печалились и без конца рассказывали друг другу о его маленьких добрых делах, про которые раньше никто не вспоминал. А чего вспоминать - ведь их никогда и не было. Ещё вчера никто бы слова доброго о Кроте не сказал, всем было на него наплевать - ведь работорговцев все презирают. А сегодня горюют о нём, ах какая потеря. Такие уж они, люди - большинство совсем бестолковые.

Джима, конечно, собирались линчевать, все так говорили. На улицах возле тюрьмы собралась толпа - все кричат наперебой и ждут не дождутся, когда начинать. Но за дверью сидел капитан Бен Хаскинс, шериф, и, если бы толпа вломилась без спросу, никому бы, понятное дело, не поздоровилось. А у входа стоял полковник Элдер - при нём толпе тоже не развернуться. Так что мы с Томом шли себе спокойно дальше и о Джиме не тревожились. Том пустил слух о мотиве, чтобы он дошёл до окружного прокурора. Потом мы зашли с чёрного хода к тётке Полли перекусить. Поесть раздобыли без труда, ведь тётя Полли ушла набираться впечатлений и искать Тома. Оттуда мы пошли на гору - вздремнуть в лесу, где никто не мешает, и Том выложил мне свой план.

Сегодня, говорит, пойдём на дознание, а завтра нас допросят на совете присяжных, только наши показания против капитана Хейнса и Бака Фишера никто и слушать не станет, так что Джима обвинят в убийстве как пить дать. Где-то через месяц будет суд. Как раз за это время нога у того парня заживёт, он уже сможет ходить. Значит, нам нужно устроить так: только в суде дело против Джима повернётся, мы как раз схватим тех двух жуликов и приведём в зал - то-то будет шуму! - и Джим станет героем, и мы вместе с ним.

Мне этот план не понравился, очень уж он страшный и риск большой:

а вдруг что-нибудь случится? Ведь если хоть что-то не заладится, Джима уже не спасти. Он ведь негр, а значит, дело гиблое. Я и говорю: давай скажем шерифу, пусть поймает тех двоих прямо сейчас и посадит в тюрьму. Тогда они будут в наших руках.

Но Том меня и слушать не хотел. Если мы так сделаем, разве в этом будет что-то особенное? Нет, нужно их схватить, когда они ничего не подозревают, и привести в суд, а там устроить настоящий спектакль, как тогда в Арканзасе. Видно, Тому после Арканзаса слава в голову ударила - ничего больше не мог делать по-простому.

Тут у нас глаза стали слипаться, и решили мы: вздремнём часок, а потом пойдём на дознание. И, знамо дело, проспали. Пришли - а все уже кончилось, никого нет, и труп тоже унесли. Ну, ничего страшного - завтра пойдём на совет присяжных.

Оказалось, мы проспали чуть ли не до вечера, и время шло к закату. Пора домой ужинать, а Том говорит: нет, нужно убедиться, что те двое на месте. Надо подождать до темноты, а там он ещё разок зайдёт в дом с привидениями и послушает. Я обрадовался - так спокойнее. Спустились мы вдоль ручья, прокрались к реке, прошагали вниз по течению ещё четверть мили под обрывом, вошли в воду и стали там ждать. А через час после того, как стемнело, вернулись, Том пробрался через бурьян к дому, а я остался.

Жду-жду, кругом темно, и тихо, и одиноко, и дом с привидениями близко-близко - просто мурашки по спине бегут от ужаса! Времени-то на самом деле не так уж много прошло, а казалось, целый век ждал. Наконец Том продирается через бурьян и говорит:

- Бедный Джим, бедный Джим, его повесят - их там нет!

Я едва не рухнул на месте. У меня всё плыло перед глазами, казалось, ещё чуть-чуть и в обморок упаду. Тут я не выдержал и расплакался - что толку терпеть? Смотрю, а Том тоже плачет и говорит:

- Зачем я это сделал? Ну зачем, Гек? Они уже были в моих руках, и не будь я таким ослом, я мог бы спасти Джима! Говорил ты мне, Гек, чтоб я рассказал шерифу, а я, дурак, не послушал, и вот теперь они сбежали, и мы их больше никогда не увидим, и Джима теперь не спасти - и всё из-за меня, лучше бы я умер!

Том готов был сквозь землю провалиться и много злых слов наговорил про себя - я и сам собирался всё это ему сказать, да у меня духу не хватило, хоть слова и вертелись на языке. Я стал было его утешать, а он и слушать не хочет: говорит, лучше ругай меня, обзывай самыми страшными словами, какие знаешь, только от них мне сейчас будет польза. И сам как начал себя

ругать: мол, с чего это он сразу решил, что у того парня сломана нога? Может, это всего-навсего растяжение, теперь-то уже ясно, что так оно и есть! И вдруг он что-то придумал, да и говорит:

- Пошли!

И мы помчались по дороге. А что, сказал Том, если они отправились в ближайший город ниже по течению? Тогда мы успеем на пароход и опередим их. Когда прошли Холодный ручей, увидели пароход. Добрались до пристани, а он уже отходил, но мы успели запрыгнуть на борт. Нам кричат: да знаете ли вы, куда пароход идет? А нам хоть бы что - забрались на штормовой навес, отошли подальше к корме, уселись среди искр и стали высматривать челнок. О совете присяжных мы и думать забыли, и Том сказал, что это не важно, главное сейчас - найти убийц, только так мы можем спасти Джима.

Том совсем голову потерял, оттого что дал им уйти и на Джима такая беда свалилась. Он даже говорить не мог ясно и понятно. Скоро и до Тома дошло, что у него в голове всё перепуталось:

- Гек, мне так плохо, что я с горя соображать перестал. Понимаешь, нам сейчас на этом пароходе делать нечего!

- Почему, Том?

- Потому что пароход нам бы пригодился, если бы у парня была сломана нога - а она не сломана. Значит, ему не нужен доктор и он может идти на все четыре стороны. Они ушли в Иллинойс, там леса без конца и края, лучше и безопаснее места для них не придумаешь. Гек, они ушли, как только стемнело. Поплыви мы тогда от устья ручья, а не на четверть мили выше по течению, мы бы их увидели. Вот бы сейчас оказаться в городе - все бы за это отдал! Мы бы вышли на след, отыскали их лагерь и загнали бы их в угол - это пара пустяков, ведь у парня болит нога, и он ни шагу не может ступить без помощи. Гек, нам нужно вернуться, и чем скорее, тем лучше. Какой же я осёл, что забыл про ногу и кинулся бежать на этот пароход!

Теперь я и сам понял - сначала мне просто в голову не пришло. Но Тома ругать не стал. Ведь если подумать, он не виноват, что просчитался. На его месте кто угодно бы соображать перестал. Я хотел было его подбодрить, а он обозлился, разобиделся и говорит:

- Удача изменила нам, и против этого ничего не поделаешь - вот, смотри!

Гляжу - и правда: дождь начался. Мне так жаль стало Тома, что я чуть не заплакал.

- Теперь следы смоем. - Том совсем отчаялся и сказал, что если с

Джимом что-нибудь случится, то он сам с собой рассчитается как следует - вышибет себе мозги и уж точно не промахнётся!

Я смотреть не мог, как он мучается, и стал его утешать. Говорю, еще неизвестно, куда они пошли. Мы ведь даже не знаем, кто они, тогда откуда нам знать, что они будут делать? Что, если они из банды Беррела?

- Может быть. Ну и что из этого?

- Значит, им, наверное, безопаснее вместе с остальной бандой.

- Разумеется. Продолжай.

- Где у них притон - на Лисьем острове?

- Ну да.

- Далеко отсюда?

- Сто семьдесят миль.

- В челноке они доберутся за четыре ночи, если днём будут прятаться. Может быть, они как раз на пути туда!

- Дай я тебя обниму, Гек! Хоть один здравомыслящий человек у нас остался! Гек, если мы задержим их на пути туда, а с нами будет шериф... Гек, если они впереди нас, то и часа не пройдёт, как мы с ними поравняемся, а потом устроим погоню на этом же самом пароходе! Держу пари, Гек, мы на правильном пути! А теперь быстро на полубак - и гляди в оба. А я пойду в рубку и тоже буду смотреть. Если их увидишь, гаркни три раза со всей мочи, а я тем временем подготовлю рулевого, так что он тоже будет рваться в бой! Бежим!

И мы припустили во все лопатки. Том опять повеселел, приободрился, а я рад был, что мне в голову пришла эта мысль, хоть я в неё не особо верил. Скорей уж они ушли в Иллинойс, как Том сказал. Он и сам поймёт, как только придёт в себя, и тогда мы вернёмся домой. А если тот парень и вправду сильно ушиб ногу, то через денёк-другой появятся новые следы - и не так уж далеко в лесу.

На полубаке было темно хоть глаз выколи, и я споткнулся о кого-то, а он как заорёт:

- Что ты, чёрт побери, тут делаешь? - Да как схватит меня за ногу!

Я был ни жив ни мёртв от страха и начал хныкать - ведь я узнал голос Короля! А ещё один голос отвечает:

- Да это же просто мальчишка, старый ты боров! Он не нарочно! Нет у тебя жалости к людям и никогда не было!

Господи помилуй, да это же Герцог!

Ну, думаю, вот я и попался!

Тут Король и говорит:

- Выходит, ты мальчик? Так бы сразу и сказал! А я уж подумал, корова.

Что ты здесь делаешь? Откуда ты? Как тебя зовут?

Я, разумеется, отвечать не хочу, но чую, что придётся. Постарался изменить голос:

- Билл Парсонс, сэр.

- Боже праведный! - Герцог привстал и заглянул мне в лицо. - Ты-то как здесь очутился, Гек Финн?

Язык у него заплетался - наверное, Герцог был пьяный. Но это как раз к лучшему, пьяный Герцог куда добрее трезвого. Ну, думаю, теперь никак не отвертишься: придётся им всё рассказать. И раз уж меня застали врасплох, стал рассказывать очень осторожно и, ясное дело, наврал с три короба. А когда закончил, они только фыркнули, и Герцог говорит:

- А теперь для разнообразия расскажи нам хоть чуточку правды.

Я опять начал заливать, но Герцог меня оборвал и говорит:

- Подожди, Гекльберри, лучше я тебе помогу.

Ну, думаю, теперь мне несдобровать! Герцог - он хитрый, сейчас начнёт расспрашивать и вытянет из меня всю правду. Я, конечно, знал все его штуки и очень боялся. Тогда, в Арканзасе, когда я дал Джиму сбежать, Королю с Герцогом пришлось здорово раскошелиться, а теперь я у них в руках. Они от меня не отстанут, пока не узнают, где Джим, - это уж точно. Герцог начал, а вслед за ним и Король стал соваться с вопросами, а Герцог ему: замолчи, ты ни черта не соображаешь и только всё портишь! Король рассердился.

Ну и пришлось выложить им всю правду: Джим в тюрьме, здесь у нас в городе.

- За что?

Как только Герцог спросил, мне сразу стало ясно, что делать. Если есть надежда, что Джима оправдают, они принесут свои фальшивые бумаги, увезут его на Юг, а там продадут. Но если я им дам понять, что Джима повесят и от петли ему не уйти, то они не станут с ним возиться и мы от них избавимся. Я рад был, что до такого додумался, и решил: свалю-ка я убийство на Джима, да так, чтоб они не сомневались.

- За что? - спрашивает Герцог.

- За убийство, - говорю как ни в чём не бывало.

- Тысяча чертей!

- Да, - говорю, - он убил, и было за что. Это точно он, как пить дать.

- Вот жалость-то какая - он ведь на самом деле вовсе не плохой негр.

Но откуда ты знаешь, что это он?

- Потому что старый капитан Хейнс с Баком Фишером его поймали прямо на месте преступления. Он ударил работоторговца по голове его же

собственным мушкетом, споткнулся о тело, упал и только стал подниматься - а они тут как тут. Было темно, но они были неподалёку и услышали шум. Уж лучше бы они были где-нибудь ещё. Если бы Джим не упал, он бы, наверно, сумел удрать.

- Вот беда-то какая. Так что, работорговец и вправду умер?

- Мертвее не бывает, сегодня после обеда похоронили.

- Жуть! А Джим сознался?

- Нет. Только говорит, что негру бесполезно оправдываться, если против него двое белых.

- Это верно, не так ли, ваше величество?

- Да, так и есть - негру выше головы не прыгнуть.

- А может, это не он убил? Не было ли вокруг подозрительных личностей?

- Нет, никого.

- Точно?

- Точно. А если б даже и были, где у них мотив? Не станут же они убивать человека просто так, от нечего делать?

- Не станут. Но может, и у Джима мотива не было?

- Был, ваша светлость, в том-то вся и штука, что был. Все знают, как этот работорговец однажды поступил с Джимом, а двое слышали, что Джим обещал отомстить ему когда-нибудь. Я-то знаю, что это одни слухи, да что толку? Ведь распускали-то их белые, а Джим - всего-навсего негр.

- Да, плохи у Джима дела.

- Бедняга Джим, он и сам знает. Все говорят, что его повесят, и на его стороне никого нет - ведь он же вольный негр.

Все молчали. Значит, думаю, я им хорошо объяснил - теперь-то они оставят Джима в покое, и нам с Томом никто не будет мешать, и мы найдём тех двоих и выручим Джима из беды. На душе у меня стало хорошо, спокойно. Немного погодя Герцог говорит:

- Я кое-что придумал. Мне нужно с вами переговорить, ваше величество.

Они с Королём отошли в сторонку и стали о чём-то шептаться, а когда вернулись, Герцог говорит:

- Вижу, ты любишь Джима и тебе жаль его. Как, по-твоему, что лучше - если его продадут на Юг или если его повесят?

Глава 8

Такого поворота я не ожидал. Меня будто оглушило. Я не мог понять, к чему он клонит. Не успел я опомниться, а он продолжает:

- Тебе решать. Мы с Королём уже не раз выходили на след Джима и вновь теряли его. Дело в том, что у нас есть ордер на арест Джима - от губернатора штата Кентукки для губернатора штата Миссури и других уполномоченных лиц. Подделка, конечно, но бумага и печати настоящие, и по этому ордеру мы можем схватить Джима где угодно, и никто нам не помешает. Сначала, когда мы шли по этому следу, он привёл нас в Александрию, что за шестьдесят миль к северу отсюда. Мы потеряли его вновь и решили уже отказаться от поисков навсегда. А сегодня сели на этот пароход...

- Не зная, что справедливое, всемогущее Провидение...

- Замолчи ты, старая пивная бочка, и не перебивай. В твоей власти, Гек, спасти Джима или отправить его на виселицу. Ну, выбирай!

- Видит Бог, ваша светлость, я дорого бы дал, чтобы его спасти, - только скажите мне как!

- Проще простого. Представь, что Джим убил человека где-нибудь в Теннесси, или в Миссисипи, или в Арканзасе, год с небольшим назад, когда вы с Джимом помогали нам с Королём вести плот, и мы с Королём хотели продать Джима как нашего собственного негра - да он и был наш, по праву нашедшего, ведь это мы его нашли, когда он плыл по реке на плоту без хозяина...

- Да, он и сейчас наш, - рявкнул Король.

- Заткните глотку, ваше величество, и не сотрясайте попусту воздух. Представь, Гек, что Джим и вправду убил человека - плантатора или кого-нибудь там ещё. Теперь понятно, к чему я клоню?

- Совсем непонятно! Джим никого не убивал. Он ни на шаг от меня не отходил, и даже если бы...

- Хватит, не прикидывайся дурачком. Ясное дело, он никого не убивал, не в этом суть. А суть вот в чём: представь, что он вправду убил человека. Ясно? По-настоящему. Теперь понятно?

- Нет.

- Дьявольщина! Понимаешь, чёрт побери, что Джима нельзя судить здесь, если там его уже судили? Все убийства нужно расставить по порядку, так ведь? Это и ежу ясно. Отлично. А теперь - наш план: нам он поможет

заполучить обратно нашего негра, а тебе - спасти жизнь твоему черному приятелю. Завтра в Сент-Луисе мы зайдем к одному нашему другу, который занимается темными делишками. Это он сделал для нас фальшивые бумаги, а теперь их подправит, как нам нужно: вместо «побег» напишет «убийство» - ну, то самое, что Джим совершил на Юге. А завтра-послезавтра вернемся сюда, предъявим бумаги, заберем Джима на Юг и там продадим - разумеется, не в Кентукки, а как можно дальше к устью реки, куда не доберутся власти Миссури, когда поймут, что их обвели вокруг пальца.

Ей-богу, я был на седьмом небе от счастья - даже ангелы, наверное, так не радуются, когда смотрят с небес, как детей католиков тащат на веревке в пресвитерианскую воскресную школу. Вот ведь какие чудеса бывают: только что ходил грустный, на сердце кошки скребли, и, казалось, конца не будет твоим бедам, а потом вдруг случается какая-нибудь мелочь, которой вовсе и не ждал, - и сердце уже прыгает от радости, и все твои печали позади, и ты доволен и счастлив, как Содом с Гоморрой и все прочие патриархи!^[6] Говорю про себя: вот так удача для Тома Сойера! И для Джима тоже. Если Король с Герцогом всё сделают как надо, то Джим в безопасности, и если через три месяца Джим не будет в Англии на свободе - значит, мы разучились освобождать негров и лучше нам заняться чем-нибудь другим.

Я им сказал: мне план по душе, я согласен. Король с Герцогом обрадовались и даже руку мне пожали - в первый раз в жизни они до меня так снизошли. Я и говорю: хочу вам помочь, только расскажите как. Герцог в ответ:

- Ты можешь нам очень здорово помочь, Гек, и при этом ничем не рискуешь. Всё, что от тебя требуется, это держать язык за зубами.

- Договорились.

- Если хочешь, можешь рассказать Джиму. Скажи ему: когда увидит нас, узнает, что мы от шерифа, и услышит, зачем мы пришли, пускай сделает очень испуганный и виноватый вид. Это должно подействовать. Только пусть ничем не показывает, что видел нас раньше. И ты тоже виду не подавай, что знаешь нас. С этим надо очень осторожно.

- Хорошо, ваша светлость, буду осторожен и ничем не выдам, что мы знакомы.

- А теперь скажи, что ты делаешь на этом пароходе?

Такого я не ожидал. Я не знал, что ответить, и сказал: путешествую, чтобы поправить здоровье. Но Король с Герцогом были в хорошем настроении и не стали ничегопытывать, только рассмеялись и спросили,

где же курорт. А я отвечаю: вон там - видите, огни горят? Ну, они меня и отпустили. Стали прощаться и говорят: смотри не опустоши там все курятники!

Я отправился к рубке, настроение было лучше некуда, а потом вспомнил, что всё это время не следил за челноком, но, думаю, невелика беда - всё равно никакого челнока не было, а то бы Том с рулевым его заметили и бросились в погоню. Наверху контролёр проверял билеты, мы с Томом спустились на крышу рубки, и я говорю ему шёпотом:

- Представляешь, Король и Герцог здесь - внизу, на полубаке!
- Не может быть!
- Да провалиться мне на этом месте! Хочешь посмотреть?
- Ещё бы! Пошли!

Мы скорее бегом на полубак. Король и Герцог после наших с Джимом приключений стали у нас в городе знаменитостями - Том, как и любой другой на его месте, всё бы на свете отдал, чтобы взглянуть на них. Когда Том их видел в Арканзасе, они были с ног до головы в дёгте и в перьях, и люди с факелами тащили их верхом на шесте - ну точь-в-точь облачный столп, который вывел Моисея из тростников [\[7\]](#). И сейчас Том, понятное дело, хотел полюбоваться на них без перьев, потому что в перьях они были больше похожи на лопнувшие подушки.

Но ничего у нас не вышло. Пароход подходил боком к плавучей пристани, и помощники капитана, само собой, всех прогнали с полубака. Там не осталось ни одного пассажира - только матросы с грузами носились туда-сюда, ярко-красные при свете топки и огней, а на остальной палубе - тьма крошечная и ничего не видно. Мы спрыгнули на берег и отправились к северной окраине города, там нашли длинный плот из брёвен и поплыли. Уселись на краю, свесив ноги в воду, а вокруг - тихо-тихо, только волны слегка плещут о плот. Мы болтали и смотрели, не покажется ли челнок, а кругом комары пищали, и лягушки квакали вовсю, как у них водится в такие летние ночи, и было тепло, уютно и славно.

Стал я рассказывать Тому про план. Теперь, говорю, надо держать язык за зубами и никому ни слова, кроме Джима. Том сразу повеселел, даже чуть не запрыгал от радости. Сказал, что теперь с Джимом ничего не случится. Даже если мы не найдём убийц, план Герцога его всё равно спасёт, а потом мы снова поможем Джиму бежать из рабства и здорово повеселимся: увезём Джима в Англию и передадим самой королеве - пусть он помогает на кухне, прислуживает за столом, а еще будет телохранителем и знаменитостью. И мы славно попутешествуем - увидим Тауэр, и могилу Шекспира, и узнаем, в какой стране мы все жили, пока не начали бороться

за справедливые налоги и равное представительство в парламенте и не подняли шум, потому что ничего этого не было.

Но тут Том сказал, что получил хороший урок и больше не станет ради славы разбрасываться удобными случаями. Нет уж, с этого дня - никакой славы, главное - дело! Джима надо спасать чем быстрее, тем лучше, и не беда, если без шума.

Я обрадовался: наконец-то Том дело говорит! Раньше он просто был не в себе, сразу видно. Зато теперь-то он точно в здравом уме! Он даже сказал: пусть лучше Король и Герцог придут ночью, заберут Джима из тюрьмы и выведут из города незаметно, без всякого шума - хватит показухи, теперь с ней покончено. Ей-богу, мне снова стало не по себе: неужели Тома опять занесло, только в другую сторону? Но я промолчал.

Том и говорит, что новый план - самый надёжный, лучше не придумаешь, но это не значит, что надо сидеть сложа руки: а вдруг Короля с Герцогом посадят в тюрьму (уж этого-то всегда можно ожидать), а когда выпустят, Джима спасать будет уже поздно...

- Не надо, Том! - перебил я его. - Об этом не то что говорить, даже думать нельзя.

- Нет, Гек, придётся. Раз такое может случиться, значит, надо всё хорошенько обдумать, нельзя больше ничего упускать из виду. Пока мы ждём, давай денёк-другой поищем тех двоих - надо пользоваться любым случаем. - Том помолчал, вздохнул тяжело и говорит: - Жаль до дождя не успели. И зря мы сюда приехали.

Мы смотрели во все глаза ночь напролёт, почти до рассвета, хотели и вовсе не ложиться спать, но потом взяли да и заснули. Проснулись - а уже полдень. Ну, думаем, это никуда не годится! Мы разделись, окунулись, а потом пошли в город. Там съели на двоих целых шестьдесят четыре блинчика и ещё много всяких вкусностей, наелись - и сразу полегчало. Спрашивали про челнок, но никто его не видел, а пароход опоздал, и, когда мы добрались до дома, уже стемнело. Джима обвинили в убийстве с отягчающими обстоятельствами, Крот Брэдиш уже лежал в могиле, а в городе только и было разговоров что о всезнающем, загадочном Провидении - в душе, наверное, все ему удивлялись и благодарили его, но никто прямо сказать не решался.

Съели мы ещё шестьдесят четыре блинчика и пошли в тюрьму, утешить Джима, а когда рассказали ему про новый план, он растревожился не на шутку и даже не знал, радоваться ему или печалиться. Джим и говорит:

- Господи помилуй, не успел выпутаться из одной переделки - сразу в

другую попадаю. - Но тут он увидел, как Том расстроился, и стало ему стыдно. Погладил он Тома по голове чёрной морщинистой рукой и говорит: - Ничего, сынок, не грусти. Я-то знаю, что вы стараетесь изо всех сил, и, что бы ни случилось, старик Джим на вас не в обиде.

Джим, конечно, до смерти боялся снова очутиться в лапах у Короля с Герцогом - ему даже говорить-то об этом было страшно. Но он знал, что мы с Томом не дадим ему надолго остаться в рабстве - если смелость, упорство и хитрость хоть чего-нибудь да стоят! Он, разумеется, успокоился и говорит: если королева попробует его в деле и увидит, какой он честный и работающий, то на следующий год она прибавит ему жалованье. А Том в ответ: ясное дело, прибавит - она же молодая и неопытная. Так что все были довольны, Том собрался домой и говорит: пойдём со мной! - мы и пошли вместе.

Дома тётя Полли задала Тому трёпку, но совсем не страшную. Сначала она здорово сердилась, но когда мы рассказали, что два дня рыбачили на том берегу и не знали, что протрубил рог и перепугал до смерти весь город, а еще было убийство, и убийца - Джим, тётя Полли забыла, что злилась на нас. Ей не терпелось поскорей рассказать новости, она бы это удовольствие ни на что не променяла!

И тётя Полли принялась за дело: целых два часа рассказывала, всё на свете переврала, зато развлеклась на славу. А когда закончила, то история вышла в десять раз страшнее, чем на самом деле, - Том наверняка пожалел, что не назначил тётю Полли заправлять заговором. Но Джима ей было очень жаль: не иначе как Крот пытался его убить, а то бы Джим не вышиб ему мозги мушкетом!

- Что, и вправду вышиб, тётя Полли?

- Честное слово!

А вечером вся компания заявила к тёте Полли в гости, и сыщик Флэкер тоже пришёл. Он собрал улики и уже знал об убийстве всё, будто своими глазами видел. А гости сидели и слушали раскрыв рот, да восхищались: ай да Флэкер, ай да молодчина!

Всё это, конечно, была полная околесица, но им было невдомёк. Флэкер говорил, что никаких Сынов Свободы на самом деле нет - это выдумка банды Беррела, он готов доказать. Стоило ему сказать «банда Беррела», как все вздрогнули и придвинулись друг к дружке поближе. Он и говорит: в городе сейчас шестеро из банды Беррела, и все они - ваши хорошие знакомые, вы с ними каждый день видите, беседуете. (Тут все снова вздрогнули.) Имена он называть пока не стал - говорил, ещё не время, но схватить он их может когда угодно. У них есть план: сжечь и

разграбить город и выпустить на волю всех негров - это он готов доказать. (Все так дрожали, что дом трясся; даже молоко, наверное, и то скисло.) А Джим с ними заодно: у него, Флэкера, есть улики, и он готов доказать хоть сейчас. А ещё он выследил банду и знает, где у них притон, - только нам пока не скажет. И наконец, он нашёл запасы еды, их хватит для шестнадцати человек на целых шесть недель (ясное дело, наши с Томом!). И ещё нашёл их печатные принадлежности, утащил подальше и спрятал, и покажет их, как только будет готов. Он узнал секрет фигур, напечатанных на листовках красной краской, только это очень страшно и нельзя рассказывать при чувствительных, пугливых женщинах. (Тут все ещё крепче прижались друг к дружке, ни живы ни мертвы от страха.) А печатал листовки не какой-нибудь обычный негодяй, а самый страшный злодей на всём белом свете, к тому же дьявольски умный. И по мелким признакам, которых бы никто больше не заметил (а если б даже и заметил, то всё равно ничего бы не понял), видно, что это не кто иной, как сам Беррел. Во всей Америке только Беррел смог бы так напечатать. И этот самый Беррел сейчас в городе, переодетый, торгует в лавке, и это он трубил в рог. Старая мисс Уотсон, как услышала - сразу упала в обморок, и свалилась прямо на кошку, и отдавила ей хвост. Кошка взвыла, а мисс Уотсон еще долго приводили в чувство. Наконец Флэкер сказал, что у Джима два сообщника. Он видел их следы - оба карлики, один косоглазый, а другой - левша. Как он узнал - не важно, но он за ними следил, и не беда, что они сейчас ушли из города, - он всё равно их застанет расплож и поймает.

Ну и болван! Ведь это же были мы с Томом! Но все остальные слушали как зачарованные и говорили: вот чудо - сыщик каждую мелочь подмечает, всё читает, словно книгу, и ничего от него не утаишь. И если бы не Флэкер, так бы до самой смерти и не узнали, кто всю эту заваруху начал, поэтому весь город перед ним в долгу. А Флэкер в ответ: пустяки, у него просто работа такая, а на самом деле это всякий может - нужны только тренировка и дар.

- Разумеется, главное - дар! - сказала тётя Полли, и все за ней повторили.

У тёти Полли к сыщикам была слабость - ведь Том тоже хотел стать сыщиком, - и она очень гордилась тем, что Том сделал тогда у дяди Сайласа[\[8\]](#).

Глава 9

На следующее утро мы еще затемно перебрались на тот берег, а на рассвете начали искать следы. Том в прошлый раз измерил их длину и ширину, а форму каблуков знал точно - там, в пристройке, он залил в отпечатки сало со свечи, получились тоненькие отливки. Он вырвал листок из конторской книги Крота и обвёл их его же пером. По мне, следы как следы, ничего особенного, только у второго на левом ботинке у каблука отбит внутренний передний угол. Но нам, по-моему, от этого никакой пользы - ведь он ушиб левую ногу, когда упал с обрыва, и если он её и сейчас волочит, то никакого каблука видно не будет. Том мне на это в ответ: если бы он волочил ногу, по следам было бы видно. Ну да, так оно и есть, я спорить не стал.

Мы начали искать на иллинойсском берегу, выше по течению в миле от парома. Там есть низинка, куда можно уложить хромого, но она всего одна, а вокруг неё до самого парома - обрывистый берег, десять футов высотой, как стена. Следов было много, и свежих и старых. Но те, что нам нужны, наверное, давно уже затоптали. Мы завернули поглубже в лес, дошли вдоль реки до самого парома, а там - тоже следы, но не те. А ниже парома на целые мили ни одного места, где они могли бы высадиться. Вот мы и пошли по дороге, ведущей от парома, и всё прочесали по обеим её сторонам, и прошли вдвое дальше, чем за это время мог уйти хромым, но всё без толку.

Искали мы до самого вечера, а на другой день вернулись и снова искали, всё вокруг обшарили, до самой темноты бродили - и никакой пользы. На третий день обыскали остров Джексона - ничьих следов не было, кроме Флэкера. Он утащил наши печатные принадлежности и часть еды. Мы перебрались на наш берег, хотели зайти в пещеру, а там - солдаты: их полковник Элдер туда послал из-за всей этой шумихи с заговором, и сунься туда кто чужой - ему бы не поздоровилось!

Делать нечего, поплыли мы домой. Том опять нос повесил - ведь Джиму теперь придётся ехать на Юг с Королём и Герцогом, и немало хлебнет он горя, пока мы устроим ему побег и отправимся в Англию. И вдруг Том как подпрыгнет от радости, да и говорит:

- Ну и дураки мы с тобой, Гек!
- Я и сам знаю, что дураки. А что?
- Нам с тобой здорово повезло - вот что!

- Ну давай выкладывай, я слушаю.

- Значит, так: тех двоих мы не нашли и никогда не найдём. И если Джим останется здесь, не миновать ему виселицы - понимаешь? Поэтому хорошо, что его продадут на Юг, и здорово, что ты наткнулся на Короля с Герцогом! Лучше и быть не могло, потому что...

- Ерунда, - отвечаю. - Ещё пару минут назад ты места себе не находил оттого, что Джима продают на Юг, а теперь говоришь, что нам повезло. С чего это вдруг?

- Потому что никто его на Юг не продаст.

- Я от радости чуть не подпрыгнул и едва не отшиб себе пятки, но сдержался, чтобы потом не расстраиваться, и спрашиваю:

- И как ты собрался этому помешать?

- Просто. Дураки мы, что раньше до этого не додумались. Мы спустимся вместе с ними по реке на том же пароходе, а когда доберёмся до Каира, окажемся в свободном штате. И тут мы скажем: на Юге вам за Джима дадут самое большее тысячу долларов, а здесь вы можете получить эту тысячу прямо сейчас!

Тут я не удержался, подпрыгнул, и отшиб себе пятки. И говорю:

- Вот здорово, Том! С меня половина денег.

- Нет, с тебя нисколько.

- Нет, половина.

- Нет, нисколько. Если бы не заговор, Джим не сидел бы в тюрьме и ничто бы ему не угрожало. Всё из-за меня - значит, мне и платить.

- Так нечестно, - отвечаю. - Как я, по-твоему, заполучил половину разбойничьих денег и сделался таким богачом? Из-за того, что я такой умный? Нет, это всё благодаря тебе! По-хорошему, все эти деньги твои, а ты их не стал брать.

- Я до тех пор к нему приставал, пока он не согласился.

- А теперь слушай, - говорю. - Не такие уж мы дураки, что раньше не додумались. Здесь мы бы Джима купить не смогли - ведь он свободный, и покупать его не у кого. Никто нам его не продаст, кроме Короля с Герцогом, а у них можно его купить только на свободной земле, чтобы переправить вверх по реке Огайо в Канаду, а оттуда - в Англию. Выходит, мы уже обо всём хорошенько подумали, и не такие уж мы дураки.

- Ладно, не дураки, но разве нам не повезло, что мы поплыли вниз по реке, когда вроде и смысла в этом не было? А если бы не поплыли, так и не встретили бы Короля с Герцогом, и тогда Джима уж точно бы повесили. Будто какая-то сила вмешалась - правда, Гек?

Голос у него был очень торжественный: не иначе как снова почувал

волю Провидения. Я ему так и сказал, а Том отвечает:

- Теперь-то ты научишься верить по-настоящему.

Я чуть было не сказал: «Вот было бы здорово - другой что-то делает, а хвалят за это меня», - но прикусил язык. И правильно сделал. Том поразмыслил чуть-чуть и говорит:

- Придётся нам, Гек, заговор отложить - у нас и так дел по горло, мы не сможем им заниматься как следует.

Я разозлился и чуть не сказал: «Мы его и так давно отложили, и уж точно ничего хорошего от него не видим, столько натерпелись, а он того не стоит», - но снова сдержался, как в прошлый раз. Думаю, правильно сделал.

После ужина мы пошли в тюрьму, принесли Джиму пирога и еще всякой всячины, рассказали ему, как мы собираемся купить его в Каире и переправить в Англию. Ей-богу, Джим не выдержал и расплакался, да ещё и пирогом подавился, и пришлось его колотить по спине, чтоб он не задохнулся - а то бы никакой разницы: что задохнулся, что повесили.

Джим пришёл в себя, повеселел, тоску его как рукой сняло. Взял он своё банджо и стал петь - только не «Скоро буду далеко отсюда», как раньше, а «Джинни, напеки лепёшек» и все самые весёлые песни, какие только знал. И хохотал до упаду над Королём и Герцогом, а я смотрел на него, и у меня душа радовалась. А потом лихо сплясал негритянский танец и сказал, что с детства себя таким молодым не чувствовал.

Он захотел повидаться с женой и детьми, если их хозяева разрешат, и с шерифом тоже - а ведь раньше и слышать об этом не хотел. Мы обещали, что попробуем это устроить. Хорошо бы привести их завтра утром, чтобы Джим успел с ними попрощаться, пока не приплыли на пароходе Король и Герцог.

В ту ночь мы собрались в дорогу, а утром я пошёл к судье Тэтчеру и взял восемьсот долларов. Судья очень удивился, но я ему так и не сказал, для чего мне деньги. Том взял еще восемьсот, и мы пошли договариваться насчёт жены и детей Джима. Хозяева были очень к нам добры, но не смогли их отпустить прямо сейчас. Обещали, что отпустят в другой раз - может быть, на следующей неделе, ведь торопиться некуда? Мы, ясное дело, ответили, что некуда - а куда было деваться?

Мы пошли в тюрьму, и Джим очень расстроился, но понял, что ничего тут не поделаешь. Неграм к таким вещам не привыкать.

Мы болтали как ни в чём не бывало, пока не услышали шум парохода. Тут мы так разволновались, что даже говорить не могли. И каждый раз, когда на дверях лязгали цепи и засовы, у меня дух захватывало и я думал

про себя: это они! Но никто не появлялся.

Король с Герцогом так и не пришли. И мы, и Джим, конечно, расстроились, но подумали: ничего страшного - они, наверное, напились, устроили драку, и их забрали в каталажку, а завтра они появятся. Ну, мы спрятали деньги и пошли на рыбалку.

На другой день решили, что суд будет через три недели.

И снова ни Короля, ни Герцога.

Мы решили: подождём ещё денёк и, если они не появятся, отправимся в Сент-Луис, пойдём в каталажку и узнаем, сколько им ещё осталось сидеть.

Они не появились. Пришлось нам ехать в Сент-Луис. И ей-богу, оказалось, что в каталажке их нет и не было!

Дела были хуже некуда. Том даже стоять не мог - пришлось ему сесть.

Мы не знали, что теперь делать: где ж этим жуликам ещё быть, кроме каталажки?

Тогда мы пошли в следственную тюрьму. Никакого толку - там их тоже не было.

Нам с Томом стало страшно. Но надо было не сидеть сложа руки, а что-то делать. Город большой, просто огромный - говорят, в нём народу шестьдесят тысяч, а может, это и враньё. Но мы всё равно за четыре дня обшарили его вдоль и поперёк, особенно самые лихие места. Но Короля с Герцогом так и не нашли - их как ветром сдуло.

Мы совсем приуныли - ничегошеньки у нас не получается! Наверняка с ними что-то случилось - неизвестно что, но, ясное дело, не пустяк какой-нибудь. И если так дальше пойдёт, то и Джиму несдобровать. Я решил, что они умерли, но Тому ничего не сказал - ему бы от этого легче не стало.

Пришлось возвращаться домой с пустыми руками. Мы почти всю дорогу молчали - говорить было не о чем, зато было о чём подумать. Самое главное - что мы скажем Джиму и как сделать, чтобы он не терял надежду.

В тюрьму мы ходили каждый день, и делали вид, что ничего не случилось, и притворялись весёлыми. Старались мы как могли, но получалось у нас из рук вон плохо - никто бы на такое не поддался, кроме старика Джима, который нам верил. Держались мы две недели с лишним, и в жизни не было у нас дела трудней и печальней. И каждый раз мы повторяли, что всё будет хорошо, но к концу у нас уже не получалось сказать это твёрдо и от души, и Джим почуял неладное, и сам принялся нас подбадривать и утешать. Мы едва могли это вынести: значит, он понял, что мы сами не верим по-настоящему, и от жалости к нам даже за себя перестал бояться.

Но был такой час, когда мы к тюрьме и близко не подходили - когда прибывал пароход. Каждый раз мы его встречали и смотрели, кто сходит на берег. Вначале, бывало, подходит пароход к пристани, и кажется мне: вон эти два жулика, в толпе на полубаке. Толкаю Тома локтем и говорю: «Вон они!» - а потом оказывается, что обознался. И в конце мы уже ходили туда по привычке, пассажиров оглядывали безо всякого интереса, а как все сойдут на берег, разворачивались и шли прочь. Странное дело: месяц назад я всё бы отдал, чтобы избавиться от Короля с Герцогом, а сейчас я бы им обрадовался, как родной маме!

Том побледнел, потерял аппетит, спал плохо, ходил мрачный и всё больше молчал. Тётя Полли так беспокоилась за него, что чуть с ума не сошла. Она думала, это Сыны Свободы так напугали Тома своими листовками и рогом, что тот заболел. Каждый день она пичкала Тома всеми лекарствами, что под руку попадутся, а когда подглядывала за ним в замочную скважину, Том, вместо того чтобы скормливать лекарства кошке, ел их сам. От этого тётя Полли ещё пуще перепугалась, а ещё сказала: попадись мне этот Сын Свободы, что развесил листовки, ей-богу, кости ему переломаю!

Мы с Томом были свидетелями, а защищать Джима должен был молодой такой адвокат - он приехал в город совсем недавно и сидел без работы, а больше никто не взялся защищать свободного негра, хотя мы обещали хорошо заплатить. Им не хотелось подводить Тома, но ведь им тут на жизнь зарабатывать, а вольных негров у нас не любят. Том всё понимал - он бы и сам не стал защищать свободного негра, кроме Джима.

Глава 10

Наутро тётя Полли не хотела пускать Тома в суд. Говорила, что мальчишкам там делать нечего, да нас и не пропустят - весь город туда собирается, и нам места не хватит. А Том и отвечает:

- Для нас с Геком место найдётся. Мы будем свидетелями.

Тётя Полли ушам своим не поверила. Сдвинула очки на лоб и говорит:

- Свидетелями? Вам-то что об этом известно, хотела бы я знать?

Но мы не стали тратить время на разговоры и поскорее удрали. А тётя Полли пусть спокойно прихорашивается - она ведь тоже идёт туда вместе со всеми.

В суде было не протолкнуться. И женщин было очень много - целых семь или восемь скамеек. И тётя Полли, и вдова Дуглас, и мисс Уотсон, и миссис Лоусон - все сидели рядом. И Тэтчеры, и еще очень многие позади них - все из высшего общества. И Джим был там, и шериф.

Вошел судья, сел с торжественным видом и открыл заседание. Мистер Лоусон произнёс речь и сказал, что сейчас с помощью двух свидетелей докажет, что Джим виновен и что у него был мотив. Тому, ясное дело, было не очень-то приятно это слышать.

Молоденький адвокат в своей речи сказал, что с помощью двух свидетелей докажет алиби и что убийца не Джим, а неизвестный. Все заулыбались, а мне стало жаль беднягу: он так волновался, робел и знал, что у него по правде нет никаких доказательств, вот и не мог говорить так же твердо и уверенно, как мистер Лоусон. А ещё знал, что над ним все смеются и не очень-то уважают - ведь он адвокат вольного негра и ничего собой не представляет.

Вышел Флэкер и стал рассказывать, как, по его мнению, было дело. Разложил всё по полочкам, разобрал улики, а все слушали, не дыша, и только удивлялись, как это у него всё выходит так просто и ясно и как он до всего дошёл одним лишь своим умом - и ничем больше.

Вслед за ним капитан Хейнс и Бак Фишер рассказали, как поймали Джима на месте преступления и как бедняга Крот лежал мёртвый, а Джим как раз поднимался на ноги после того, как проломил ему голову мушкетом, поскользнулся и упал.

И тут показали мушкет, на стволе была ржавчина и волосы - и все вздрогнули от ужаса. А когда показали окровавленную одежду, все опять задрожали.

Потом я рассказал всё, что знал, и вернулся на своё место. Толку от этого не было - никто не поверил ни единому моему слову - почти у всех на лице это было написано.

Потом вызвали Тома Сойера. Вокруг меня зашушукались: «Конечно, без него и тут не обошлось. Да если б Том Сойер захворал и не смог распоряжаться, то и солнечных затмений бы не было!» А тётя Полли и другие женщины восторжались: интересно, чем Том может тут помочь и кому от этого будет польза.

- Томас Сойер, где вы были в ночь с субботы на воскресенье, когда было совершено убийство?

- Руководил заговором.

- Что? - переспросил судья, глядя на него сверху вниз.

- Руководил заговором, ваша честь.

- Такая откровенность может быть опасна. Расскажите нам вашу историю, но будьте осторожны, не раскрывайте ничего, что могло бы вам повредить.

Том и рассказал всё без утайки: как мы устроили заговор и раскрутили его на совесть. Полковник Элдер и капитан Сэм сидели пристыженные и злые, потому что все вокруг смеялись. А когда открылось, что Сыны Свободы - это мы и есть, и страшные листовки отпечатали и развесили на дверях тоже мы, а вовсе никакой не Беррел, как сказал Флэкер, все опять засмеялись, и пришел черёд Флэкера краснеть от стыда.

Том стал рассказывать дальше - начистоту, без вранья, до того места, как Джим протрубил в рог, слез с дерева, и мы все вместе пошли в город - полюбоваться на переполох. И видно было, что все нам верят: ведь ясно, что мы не сочиняем. Всё шло к тому, что алиби удастся доказать, и люди кивали головами, и на Джима теперь глядели дружелюбнее. А мистер Лоусон уже не был таким спокойным, как прежде. Но судья, наконец, спросил:

- Вы сказали, что обвиняемый должен был предупредить вашу тётушку, а потом догнать вас. В котором часу это было?

А Том, ей-богу, не знал. Мы не обратили внимания, который был час. Делать нечего, пришлось Тому говорить наугад, а в этом, сами понимаете, хорошего мало. По тому, как на нас смотрели люди, видно было, что дело плохо. А мистер Лоусон опять сделался спокойный.

- Зачем вы пошли к дому Брэдиша?

Тут Том рассказал и про эту часть заговора: как он хотел выдать себя за беглого негра, чтобы я сбыл его Брэдишу, а у Брэдиша уже был один беглый негр - ну и всё такое прочее. И как Том ночью хотел рассмотреть

негра повнимательней, а это оказался вовсе никакой не негр. И как в ботинке у него оказался ключ, и Том подумал, что он готовит побег, и решил остаться, собрать улики и выследить негра, когда тот сбежит. И выходило у Тома складно, совсем как в книжке, а судья и все остальные слушали, затаив дыхание.

Том рассказал, как мы пришли туда днём, а Крот лежит мёртвый, и Том послал меня за гробовщиком, а потом нашёл следы Джима, позвал меня и говорит: всё в порядке, Джим был здесь и, конечно, пошёл рассказать об убийстве.

Многие заулыбались, а мистер Лоусон так тот не выдержал и расхохотался.

Но Том продолжал как ни в чём не бывало и рассказал, как мы пошли по следу в дом с привидениями, как он пробрался туда, и стал подслушивать, и услышал разговор убийц, но их самих не видел.

- Не видели?

- Нет, сэр. - И объяснил почему.

- Может быть, вы их слышали в своем воображении? - сказал мистер Лоусон и рассмеялся. В зале тоже многие засмеялись, а один парень, который сидел недалеко от меня, сказал другу: «Лучше бы он пораньше остановился, пока не начал завираться». А тот в ответ: «Да, Том совсем запутался».

- Продолжайте, - говорит судья. - Расскажите, что вы слышали.

- Вот как всё было. Один метался и рычал, а другой стонал. А потом первый, тот, что рычал, говорит вполголоса: «Замолчи ты, старый нюня, дай человеку поспать немножко». Тот, который стонал, отвечает: «Если бы у тебя нога так же болела, ты бы ещё не так разнюнился, и вообще это ты во всём виноват; когда пришёл Брэдиш и увидел, что мы собираемся бежать, надо было помочь мне, а не мешать; тогда бы я проломил ему башку прямо там, в пристройке, а не снаружи. Он бы и пикнуть не успел, и никто бы не подоспел на помощь, и не пришлось бы нам бежать напрямик, и нога моя была бы цела, и не лежали бы мы здесь, дрожа от страха, что нас вот-вот схватят. А ты на меня рычишь, нюней обзываешь - видать, нет у тебя ни сердца, ни христианских чувств, ни хорошего воспитания». Первый ему в ответ: «Это всё из-за тебя - опоздал часа на три, а то и на четыре, да еще и явился, как всегда, пьяный». - «Вовсе не пьяный - я заблудился, такое со всяким может случиться». - «Ладно, - говорит первый, - будь по-твоему, только заткнись и сиди тихо. Можешь сочинять своё последнее слово - пригодится, когда пойдёшь на виселицу. Вот и меня повесят - и поделом, нечего было связываться с таким болваном». Другой начал было снова

жаловаться на ногу, а первый и говорит: если сейчас же не заткнёшься, я тебе её оторву и повяжу вокруг головы. Потом они угомонились, и я ушёл.

Когда Том закончил, стояла мёртвая тишина - так всегда бывает, когда слушают и не верят, и стыдно за того, кто говорил. Жалостливая такая тишина. Наконец судья откашлялся и спрашивает сурово:

- Если это правда, то почему вы не пошли сразу к шерифу и не рассказали ему? Чем это объяснить?

Том уставился в пол и теребил верхнюю пуговицу. Я-то знал, что это для него уже слишком. Разве мог он сказать, что не пошел к шерифу потому, что хотел сам расследовать убийство, как настоящий сыщик, и прославиться? А чтобы славы было ещё больше, устроил так, что подозрение пало на Джима, да еще и придумал для него мотив и стал рассказывать о нём при мистере Лоусоне - и получилось, что он по собственной глупости упустил убийц, и теперь из-за него Джима повесят вместо них? Да не мог Том сказать такое. Все уставились на него, а он стоял и теребил пуговицу. Судья подождал немного и ещё раз спросил, почему Том не пошёл к шерифу. У Тома слёзы на глазах, он сглотнул раз, другой и говорит еле слышно:

- Не знаю, сэр.

Ненадолго опять стало тихо, потом судья и адвокат говорили речи, и мистер Лоусон очень зло насмеялся над Томом и его «сказкой», так он назвал нашу историю. А через две минуты присяжные признали Джима виновным в умышленном убийстве. Старик Джим поднялся, и судья начал речь о том, почему Джиму придётся умереть, а Том сидел, опустив голову, и плакал.

Вдруг смотрим - ну и чудеса: Король и Герцог протискиваются сквозь толпу, становятся перед судьёй, и Король говорит:

- Извините, ваша честь, одну минуточку...

Том поднял глаза, а тут Герцог вступил:

- Мы хотели бы уладить один небольшой вопрос...

А Том вскочил да как закричит:

- Я узнаю голоса - это убийцы!

Видели бы вы, что за переполох тут начался! Все повскакивали с мест и встали на цыпочки, чтобы лучше было видно. Шериф рывкнул: по местам! А Король с Герцогом стоят ошарашенные и страшно бледные - уж можете мне поверить. Судья и спрашивает:

- На каком основании вы их обвиняете?

- Потому что знаю, ваша честь.

- Откуда вы знаете - вы же сами сказали, что не видели их?

- Не важно, у меня есть доказательства.

- Какие?

Том достал лист из конторской книги Крота, показал рисунок и говорит:

- Если один из них не переобулся - вот отпечаток его левой подошвы.

Посмотрели - так оно и есть. А Королю стало совсем худо.

- Отлично, - говорит судья, - продолжайте.

Том достал из кармана вставные челюсти и говорит:

- Если они подойдут второму, значит, он и есть тот самый белый негр, которого мы видели в пристройке.

Примечания

Жорж Кадудаль (1771-1804), один из руководителей мятежа против Великой французской революции, организовывал покушения на Наполеона Бонапарта, был казнён.

Гай Фокс (1570-1606), английский заговорщик, глава «Порохового заговора» католиков с целью убийства короля Якова I. Заговор был раскрыт, Гай Фокс казнён. Титус Оутс (1649- 1705), английский священник. В царствование Карла II изобличил им же спровоцированный заговор, по его ложному доносу были казнены многие представители знати.

По-английски пирог (Pie) и смешанный шрифт (Pi) звучат одинаково.

Иоганн Фуст - партнёр Иоганна Гутенберга, в 1450 году на его деньги была оборудована первая в Европе типография.

В повести М. Твена «Том Сойер - сыщик» Том Сойер разоблачил мошенников братьев Данлепов и нашёл украденные бриллианты.

Гек путает названия библейских городов с именами библейских патриархов.

Гек путает два эпизода из Библии: спасение младенца Моисея из тростников (Исход, гл. 2) и исход из Египта, когда Бог шёл перед евреями в облачном столпе, показывая путь (Исход, гл. 13).

В повести М. Твена «Том Сойер - сыщик», в которой Том расследует убийство, действие происходит на ферме у дяди Сайласа.